

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

**ETHNOCULTURAL IDENTITY
AS A STRATEGIC RESOURCE
OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

Materials of the III international scientific conference
on September 28–29, 2015

Prague
2015

Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization : materials of the III international scientific conference on September 28–29, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – 89 p. – ISBN 978-80-7526-043-7

ORGANISING COMMITTEE:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Oksana R. Tuchina, candidate of psychological sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Azat K. Egiazaryan, doctor of philological sciences, professor, the head of the Institute of Humanitarian sciences of Russian-Armenian (Slavic) State University.

Suren G. Oganessian, doctor of philosophical sciences, head of the philosophy department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Ervand G. Margaryan, candidate of historical sciences, assistant professor of the history department at Russian-Armenian (Slavic) State University.

Valeriy G. Sidorov, doctor of philosophy, professor, head of the philosophy department in the Kuban State University, honorary worker of higher professional education, honored science worker of Kuban.

Leonid V. Karnaushenko, doctor of historical sciences, head of the philosophy and sociology department in the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Lyudmila N. Ozhigova, doctor of psychological sciences, professor of the general psychology department at Kuban State University.

Ivan A. Apollonov, candidate of philosophical sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of ethnocultural identity. Some articles deal with questions of identity of the person in the social and cultural context. A number of articles are covered the development of ethnic and personal identity in the context of cross-cultural interaction. Some articles are devoted to formation of ethnic identity and tolerance.

UDC 316.3

ISBN 978-80-7526-043-7

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.
© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. IDENTITY OF THE PERSON IN THE SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT

Andramonova V. V.

Identity of the Russian youth in the conditions of modern transformation
of society5

Goncharov V. N.

Ratio of ethno-cultural and civil identity of consciousness of the personality
in the Russian society8

Жижилева Л. И.

Идентичность и зрелость личности 11

Иващенко А. П.

Этническая идентичность в структуре личности 14

Kolosova O. Yu.

Problem of ethnocultural identity in the context of ecological culture 17

Сергеев С. И.

К вопросу формирования национальной идентичности в России 20

II. THE DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

Акинфеева И. И.

Трансляция материально-духовной культуры старообрядцев
через сувенирную продукцию республики Бурятия 23

Ермилов А. Ю.

Мультикультурализм как модель управления культурным
многообразием 26

Климович Л. В., Лукичева Л. Ю.

Стратегии и фазы социокультурной адаптации мигрантов:
поиск идентичности 33

Кузьмина Р. П.

Эвены Верхней Колымы: сохранение традиций предков 36

Поповичева И. В. Обзор материалов по этнографии детства фондов лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» (ТГУ имени Г.Р. Державина)	40
Саетгалиева Ф. Ф. «Чужие среди своих»: о кризисе идентичности репатриантов из Средней Азии	48
Черноситова Т. Л., Сулейманова Ю. С. К проблеме этнолингвосоциокультурной идентичности в транслингвальной художественной литературе: франко-русский мир А. Труайя	51

III. FORMATION OF ETHNIC IDENTITY AND TOLERANCE

Берберян А. С. Исследование взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и представление своих жизненных перспектив у армянской молодежи.....	57
Гурьянова И. В. Формирование этнической идентичности и толерантность у студентов вуза.....	67
Сенкевич А. В. Перспективы и риски человечества в западной философии на рубеже XX–XXI вв.	71
Техты В. В. Внутренние и внешние факторы воздействия чувства патриотизма	76
Техты В. В. Духовные основы патриотизма.....	79
Хасанов Н. Я. Формирование толерантности на уроках естественно-научного цикла	82
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году	85
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	86
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	87
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	88

I. IDENTITY OF THE PERSON IN THE SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT

IDENTITY OF THE RUSSIAN YOUTH IN THE CONDITIONS OF MODERN TRANSFORMATION OF SOCIETY

V. V. Andramonova

*External PhD student
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. One of the sign tendencies of the present stage of development of civilization is an escalating process of globalization which received a wide resonance in a social and humanitarian discourse. Significantly affecting the sociocultural sphere of society, globalization leads to crisis of collective identity of the person which is shown in a number of the negative phenomena and followed by loss of valuable reference points, loss of ideals, personal meanings of life, frustration, interpersonal conflicts.

Keywords: spiritual culture; society; information society; information and social sphere; sociocultural identity; individual consciousness.

At the methodological and worldview levels the most important prerequisite of overcoming of crisis of collective identity is a reconstruction in cultural life that spiritual values which are center of spiritual culture of the Russian society, define its uniqueness and mentality [10, p. 213–218]. In the circumstances a role of collective self-determination, that is an accurate image «I» the person as social unit, identifying himself with values, achievements and traditions, becomes, more than ever, significant and demands close studying [14, p. 102–107]. The defining influence on a way of problem statement and solution have, first, nature nature of thinking of that era in which the problem is formulated, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the definite and fixing this world structure- in language and in consciousness» [1, p. 156–159].

Problems of human uniqueness, identity and collective identity are especially actual in the XXI century when mass container production, tipologization and standardization of youth way of life are capable to block creative identity in each person. The question at issue is how to overcome identification stereotypes of youth, how to keep the unique, individual and creative beginning in younger generation and in society in the conditions of globalization [11, p. 130–134].

Researches of youth social behavior show overwhelmingly important role of factors, external in relation to the individual, first of all, social environment [13, p. 164–169]. External factors influence orientations of youth and cause the most important characteristics of social behavior. Development and realization

of strategy of social behavior demands mobilization of potential resources of the personality [5, p. 17–21]. Reactions to environment challenges can be characterized as adaptation and self-determination (subjectivity).

According to scientists, new information and social sphere creates new intellectual environment, thanks to fast distribution of computer intelligence [6, p. 58–62]. Certainly, it has certain risks. In the conditions of information society the youth doesn't feel sharp need for identity as they are able to use means of informatization and technologization [8, p. 68–71]. The latest discoveries in the field of synergetics show that during the crisis periods of society development the role of the social environment increases [12, p. 11–16]. Influence of the social environment becomes aggravated with expansion of mass media and its characteristics have decisive impact on the person behavior. Thus the role of the information and social sphere is so great that the youth comes to a certain type of coherent behavior. Not readiness of socially approved programs of self-determination of youth and existence of manipulative formations of tactical character significantly complicate process of a conscious choice by the subject of styles of behavior and collective identification [15, p. 241]. Typological uncertainty of sociocultural identities leads the individual to extremes: first, in the situation of the constant choice understood as aspiration to adapt for real cultural and civilization dynamics; secondly, in the condition of prostration and passive uncertainty of the person tired of infinite fight for a survival. In this context identity as the productive characteristic of self-determination is also submitted washed-out and not verified by individual consciousness [9, p. 29–31].

Thesis that the social environment is capable to develop identity and to form a certain social type of the personality, defines its role in activity of the person and allows to consider it as the potential of formation of the personality and a factor of development of its identity. In the modern sociocultural conditions when valuable reference points are unstable, the role of the steady examples of culture broadcasted in the educational systems objectively increases. In this regard special meaning has the innovative environment of educational institutions which can act as a condition and means of formation and development of the personality with a special set of internal characteristics [4, p. 197–206]. First of all, it is necessary to mention such basic components as worthiness, responsibility, self-development, tolerance, empathy, internal unity, integrity, autonomy, independence, freedom and social activity. The problem consists in how the subject of education realizes objective conditions or parameters of the directed identification and his purposes and motives will be coordinated with objective processes in culture and socially approved cultural samples. Efficiency of use of opportunities of education as parts of culture and self-determination or self-identification of the personality depends on understanding by the subject that cultural field in which there is a process of cultural self-determination [2, p. 168–177]. Therefore the characteristic of modern information and social

sphere, in this sense, is an important factor influencing manifestation of collective identity in consciousness [3, p. 309–315].

Social and philosophical conceptual developments of domestic and foreign schools of philosophy allow to formulate basic conditions and ways of creation of the information and social environment necessary for formation of collective identity of youth in the transformed society [16, p. 11–18]: design of special social corridors – effectively designed trajectories, mastering which, young people appropriate innovative experience of creative activity, develop emotionally valuable relations with world around; creation of adequate reflexive developing environment promoting development of creative thinking and self-identification through providing the knowledge explaining the world of own opportunities which allow to develop resources; involvement in the process of social creativity, stimulation of need for collective creative cooperation; providing freedom of self-realization, possibility of conscious statement, definitions of the ways conducting to their achievement, to social responsibility.

In the creation of modern information and social environment public youth associations and the organizations play a key role. It is possible to agree with opinion of modern researchers who consider that the youth is not a problem of society and not a threat to its foundations, but its potential, strategic and unique resource of the country. Social and cultural innovations, youth projects and programs, schools of democracy and leadership, the centers of creative technologies are new forms of creation of the information and social environment. The processes of socialization and identification which are carried out in this direction significantly differ from traditional spheres in the innovation, self-organization, a creative and social orientation [7, p. 7–11].

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Бакланов И. С., Яценко А. Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 4 (59–60). – С. 309–315.
4. Говердовская Е. В. Особенности регионального подхода к системе высшего профессионального образования в полиэтническом пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 197–206.
5. Гончаров В. Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–1. – С. 17–21.
6. Гончаров В. Н. Социокультурные аспекты информатизации общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 1. – С. 58–62.
7. Гончаров В. Н. Социальные институты в системе общественного развития // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 7–11.

8. Гончаров В. Н. Информационное общество в России: социально-политический аспект // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 17. – С. 68–71.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
10. Колосова О. Ю. О роли духовности в современном обществе // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–2. – С. 213–218.
11. Колосова О. Ю. Социально-философские аспекты глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 45. – С. 130–134.
12. Колосова О. Ю. Социально-культурные институты: сущность и типология // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 11–16.
13. Колосова О. Ю. Социальная сфера общества: философский анализ // Наука и современность. – 2015. – № 35. – С. 164–169.
14. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
15. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
16. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем» обществе? // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–18.

RATIO OF ETHNO-CULTURAL AND CIVIL IDENTITY OF CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY IN THE RUSSIAN SOCIETY

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophy, assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. Consciousness of personality is an ability of the person to allocate himself from the world, understand his own essence, realize dynamics of the past, present and future. It is considerably determined by the social environment. Influence of the sociocultural environment on consciousness is that it is caused a type of consciousness and nature of its development.

Keywords: consciousness; personality; society; ethnic consciousness; ethnocultural education; ethnic identity of the personality; national culture

The personal consciousness has different sides. Realizing himself as social individual, a person identifies with a certain group: sexual, age, ethnic, religious, professional, with a state in general [5, p. 15–19]. Identification can be various on completeness (comparison on one or several signs), can be conscious and extra-mental, can have rational or emotional character. The defining influence on a way of problem statement and solution have, first, nature nature of thinking of that era in which the problem is formulated, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the definite and fixing this world structure in language and in consciousness» [1, p. 156–159].

Degree of nationwide identity in consciousness and actions of Russian people is a guarantee of political, spiritual consolidation, unity of Russian society. The more in the community number dividing uniform identity, the higher probability of joint actions in its interests [4, p. 29–31].

This situation isn't subject to doubt if only thus there is no substitution of concepts and attempt to belittle or ignore a role of ethnic identity as a structural component of national (ethnic) consciousness in the course of formation of all-civil identity and civil consciousness [3, p. 197–206].

Nowadays in psychology and other social sciences there is a persistent tendency to replace the concept «ethnic consciousness» with the all-civil concept «Russian consciousness», or place between them an identity sign that calls into question existence of variety of ethnic identities and national cultures in Russia [7, p. 213–218]. Especially it is observed at an identification of the concepts «Russian» and «Russian national». It should be noted that a self-name or an ethnonym is considered by many ethnologists as a key component of ethnic consciousness [13, p. 241].

Addressing to the psychological analysis of features of Russian people's consciousness, undoubtedly, it must be kept in mind historical features of its formation [6, p. 29–31]. Several generations of Russians the national consciousness in a bigger measure, than at other nationalities, was «erased» by the Soviet «supranational» construction which proceeds and now, in the form of construction of «supranational» Russian civil society which main part is made by Russians. But civil society can be constructed by free and responsible individuals [8, p. 130–134]. Understanding ethnic origin as an integral part of the personality is the first scale of a co-measurement of personal and common interests.

The subject of national (ethnic) consciousness and ethnic identity at this stage of development of the Russian society is actual in connection with the solution of rather wide range of problems: from definition of ethno-cultural resource of Russians in search of possible and effective strategy of reforming of domestic economy and education, till searching of ways of cultural and historical continuity in younger generation education [2, p. 168–177]. The problem of ethnic consciousness, or ethnocultural self-determination finds itself, as a rule, during the crisis, critical periods of life of society. The reason is a requirement of society, in particular Russian to rethink itself or available achievements and define further ways of development [10, p. 164–169].

An important role in the solution of this problem consists in understanding of ethno-cultural education bases. Russian education surely has to be based on deep features of national consciousness [12, p. 102–107]. Otherwise, what people we are going to educate, considering that the main function of education is reproduction of the person of a certain culture. As the most important purpose of education it is necessary to allocate reproduction of spiritual potential of the nation [11, p. 282–284].

Ethnic identity of the personality is realization of yourself as a representative of a certain ethnic group, experience of the identity with one ethnic community and separation from the others. It is not only awareness of the self-identity with an ethnic community, but also its assessment which is the most important criterion of interethnic comparison, relying on deep emotional communications of the person with an ethnic community and moral obligations in relation to it, formed in the course of socialization of the individual [9, p. 11–16]. It is considered natural to have positive feelings in connection with understanding of the ethnic origin. Negative experiences (humility, shame, dissatisfaction) are a sign of deep intra personal crisis, an emotional and cognitive mismatch. Prevalence of such experiences in an ethnic community shows that there is deep social crisis of this community and society in general [14, p. 11–18].

Current ethno-cultural state of Russia, people living in its territory, and Russians in particular consists in understanding and knowing themselves. Only on condition of realization, knowledge and respect of yourself, your national culture it is possible to understand and respect other. It, certainly, promotes development of ethnic consciousness, ethnic identity influencing sociocultural transformation of Russia.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструктов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Говердовская Е. В. Особенности регионального подхода к системе высшего профессионального образования в полиэтническом пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 197–206.
4. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 12. – С. 29–31.
5. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. – 2013. – № 11–1 (38). – С. 15–19.
6. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
7. Колосова О. Ю. О роли духовности в современном обществе // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–2. – С. 213–218.
8. Колосова О. Ю. Социально-философские аспекты глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 45. – С. 130–134.
9. Колосова О. Ю. Социально-культурные институты: сущность и типология // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 11–16.
10. Колосова О. Ю. Социальная сфера общества: философский анализ // Наука и современность. – 2015. – № 35. – С. 164–169.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7–2 (46). – С. 282–284.

12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
13. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем» обществе? // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–18.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Л. И. Жижилева

*Кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский университет
управления и экономики,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. Identity in a modern socio-cultural space is seen often as some social roles which man plays. Look at yourself in present is address to the problems of growing up. The changing identities you see ways of behavior which helped the child survived in childhood and since it has been unconsciously reproduced and determined human behavior. Maturity is a long process of awareness their capabilities and limitations, fears and anxieties, or their «inner children». In this case, the identity of a Mature personality is viewed as the identification of man with his adaptive flowing life process.

Keyword: identity; social roles; growing up; childhood; unconscious; patterns of behavior; maturity; “inner child”; awareness; survive.

Общественное признание в современном российском обществе имеет ценностно-значимая модель идентичности, укорененная в приоритетах власти, богатства, престижа. Как правило, происходит идентификация с социальными ролями, которые выполняет человек всвязи со своим положением. Однако, несмотря на то, будут ли это статусные или нестатусные роли, человек часто испытывает беспокойство, тревогу, даже если он богат и имеет высокую должность. Соответствует ли он этой роли или нет, достаточно ли у него ценностей или еще мало и т. п., тревога словно является постоянным спутником многих людей. Расширение материального благосостояния не прекращает желаний иметь больше и больше ценностей, превращая жизнь в бесконечное потребление и страдание от неудовлетворенности желаний.

Отсюда, наряду с престижем, властью и богатством, социальная идентификация выполняет роль временного убежища, пристанища, той устойчивой системы, которая могла бы дать передышку в забеге за ценностями. Важную роль в этом процессе имеет отождествление человека с сильной личностью, партией, своей работой, которой отдаешь большую часть жизни. Причем, вполне возможна и смена лидера, и партии, и

работы, а ситуация выглядит как игра идентичностей, за которой человек не понимает, а кто же он есть на самом деле?

Как нам представляется, тема подлинного «Я», подлинной идентичности теснейшим образом связана с процессом взросления человека. Не каждый человек, достигший 18–21 года будет взрослым. Большая часть подросших до этого возраста людей и старше все еще продолжают «играть» в детские игры, только объектами забав становятся не машинки и куклы, а ценности «большого» мира. Во всей этой недоигранности сквозит огромный дефицит, масса того, что недополучено ребенком в детстве. Именно незрелый индивид стремится компенсировать свои дефициты «теплом» зависимости от человека (например, начальника или супруга), низкую самооценку увеличением своей должности или богатства. То есть, идентификация зачастую является не следствием рационального решения человека, а фактически неосознанной детской реакцией на внутренний дефицит. Подобная незрелость является тормозом развития человека, превращая его жизнь в череду страданий.

Когда, в каких ситуациях мы имеем дело с личностной незрелостью? Нам представляется, что такой способ человеческого существования закладывается в детстве. Ребенок, в отличие от большинства животных, рождается в мир крайне неприспособленным. И важнейшая роль родителей заключается не только в том, чтобы обеспечить его выживание едой и безопасным пространством, но и заботой, вниманием, любовью. Для многих родителей это становится непосильной ношей. Известный английский психотерапевт Сью Миннс, опираясь на собственную длительную практику, указывала, что как раз забота и внимание родителей гораздо важнее простого физического выживания, и отсутствие любви воспринимается детьми как наказание за какую-то собственную вину [3, с. 108]. Частыми проблемами современных семей являются не то, чем накормить, и где будет спать их малыш, а отсутствие близкого контакта с ребенком, приспособление его жизни под быстро меняющиеся нужды родителей. Отсюда, телесная депривация у детей, дефицит истинного внимания и заботы. В условиях подобного дефицита ребенок пытается выжить, используя различные модели поведения, в том числе бунтовщика, жертвы, задиры, манипулятора, мечтателя, нарцисса, обиженного ребенка, отличника и др., о которых пишет в своей работе Сью Миннс. Общее, что объединяет все эти модели поведения, – потребность ребенка любыми способами обратить на себя внимание, получить заботу, любовь родителей. И поскольку какая-то модель срабатывает с родителями, учителями или другими опекунами, то она повторяется, закрепляется и становится поведенческим паттерном, который бессознательно воспроизводится всю жизнь. Например, ребенок, привлекавший к себе внимание озорством и шалостью, вырастая, начинает шокировать других людей своим поведением, по-прежнему привлекая к себе внимание. Ребенок, который в

детстве понял, что его хорошие школьные отметки являются предметом гордости его родителей и дают возможность ему ощутить их внимание, взрослым будет стараться двигаться по карьерной лестнице, по-прежнему доказывая, что он «отличник».

В человеке таким образом, может существовать много паттернов поведения или «внутренних детей». О концепции «внутреннего ребенка» так или иначе писали Р. Ассаджиоли, Ф. Перлз, Э. Берн, С. Волински, С. Миннс и др. Важно в этой связи подчеркнуть, что большей частью наше поведение определяют не рациональные решения, а именно бессознательно наши «внутренние дети» и пока распознавание их не произойдет, мы с регулярностью будем воспроизводить детские дефициты, «вставать на одни и те же грабли». Такое состояние Стивен Волински назвал детским трансом. Он пишет: «Транс можно назвать сном наяву. Сначала транс возникает в ответ на взаимодействие с мамой, папой, учителем; затем он распространяется на взаимоотношения с боссом, друзьями, мужем, женой, детьми и т. д. Созданный для поддержки и защиты в детстве, транс превращается в автоматическую реакцию на других людей, приобретая автономию и живя собственной жизнью» [2].

Важнейшей внутренней работой по взрослению является как раз работа со своими страхами, тревогами, детскими паттернами поведения. Именно с этой внутренней работой известный духовный учитель адвайты Нисаргадатта Махарадж и связывал возникновение осознанности, необходимой для духовного развития [1, с. 35]. Это жизнь человека, открывающего свою теневую сторону сознания. Аллегорией такой жизни становится путешествие героя мифа, сражающийся с опасностями.

В таком случае, под зрелым мы имеем в виду человека, находящегося в контакте с собой (телом, умом, чувствами), осознающего свои возможности и ограничения, не застывающего в разных социальных моделях поведения (идентичностях). Зрелость – это не борьба со своими недостатками и воспитание достоинств, а долгая жизненная работа по осознанию себя, открытию своих «внутренних детей» или теневой стороны сознания. В таком случае идентичность зрелой личности рассматривается как отождествление человека со своим текущим адаптивным жизненным процессом.

Библиографический список

1. Балсекар Р. Указатели от Нисаргадатты Махараджа. – М : Издательство «Ганга», 2009. – 35 с.
2. Волински С. Темная сторона внутреннего ребенка: следующий шаг. - М: СТАРКЛАЙТ, 2004. URL:<http://www.turyatita.narod.ru/books.html> (дата обращения 22.09.2015)
3. Миннс С. Путешествие вглубь себя: исцеление души и тела. – Спб. : Весь, 2011. – 108 с.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

А. П. Иващенко

Ассистент
Ростовский государственный
медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The importance of ethnic identity as a collective in the development of the individual, in the light of the doctrine of K. G. Jung collective unconscious.

Keywords: personality; individual; collective identity; collective unconscious; ethnic identity.

Н. А. Бердяев, задолго до появления концепции идентичности, говорит, что личность «самосозидается». И в этом и заключается парадокс ее существования. «Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать **единства в цельности** на протяжении всей своей жизни» [1, с. 13]. С его точки зрения это самосозидание никогда не останавливается, т. к. в этом случае личность будет подавлена и человек станет всего лишь индивидуальностью. А будучи индивидуальностью человек, по мнению Бердяева, полностью подчинен и подавлен коллективностью, в которую эта индивидуальность включена. «Групповые, сословные, профессиональные типы людей могут быть яркими индивидуальностями, но не яркими личностями. Личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы» [1, с. 14].

Родоначальником современной теории идентичности является Эриксон, и многие направления и концепции современного понимания идентичности заложены в его трудах. Д. Коте и Ч. Левин указывали даже на чрезмерное сужение понятия идентичности в некоторых современных исследованиях по сравнению с заложенной Э. Эриксоном трактовкой. С нашей точки зрения понимание идентичности, зачастую складывающееся сегодня в нашей науке, несколько механистично. Идентичность иногда даже не определяется через тождественность, а становится как бы синонимом этого понятия, сродни термину «отражение». Когда мы говорим об идентичности, необходимо не забывать, что идентичность это ни в коем случае не синоним тождественности, идентичность в первую очередь осознание этой тождественности, в этом смысле она всегда результат процесса самоидентификации и самопознания. И мы не можем не принимать в расчет, очевидность социального происхождения индивидуального сознания, и того что для определения, или осознания себя, человеку необходимо соотнести себя с социумом или его частью, с помощью языка, символов, образов сложившихся в социальном сознании.

В русле западной психологии в этом моменте наиболее близкой автору, приходится позиция Г. М. Брейкуэлл, которая считает что за тем, что обычно интерпретируются как содержание личностной идентичности, сто-

ят социальные категории. Так, определяя и характеризуя себя как «веселого», человек идентифицирует себя с группами «веселых» людей и противопоставляет «печальным», т. е. описывая себя в категориях социальной принадлежности, человек присваивает их себе, включает их в собственную самооценку, и тем самым, строит личностную идентичность, на основании социальной.

Так Эриксон впервые вводит в употребление различные виды идентичности. И прежде всего, он разделяет понятия идентичности индивида и идентичности группы или, как он ее еще называет, коллективной идентичности. А также уже он подчеркивает значение другого человека в становлении личной идентичности говоря что процесс идентификации начинается где – то во время первой «настоящей встречи» матери и ребенка - двух людей познающих друг друга через прикосновение, и так и не кончается. И в этом процессе построение и изменение структур идентичности продолжается всю жизнь до самой смерти индивида. Т. е. с нашей точки зрения, личность «самосозидается» проходя процесс, или даже точнее, множественные идентификационные процессы, и достигает «единства в цельности»- идентичности.

Стоит подчеркнуть, что даже персоналист Бердяев, говоря о приоритете личностного не отрицает того что лежит в основе ее становления. По его мнению, личность, это преодоление отрыв от **«первоначальной коллективности»** [1, с. 31]. А родовое и наследственное являются материалом для творческой активности личности [1, с. 14]. Таким образом мы видим, определенная хронологическая очередность является для него очевидной. Поэтому мы трактуем его утверждения следующим образом – став личностью, преодолев социальную обусловленность, человек получает возможность определять себя изнутри. «Личность определяет себя изнутри, вне всякой объективности, и только определяемость изнутри, из свободы и есть личность» [1, с. 16].

Не одна из современных теорий идентичности не спорит с Юнгом, который говорил о коллективной форме бессознательного. А следовательно, индивид еще до того как начинает осознавать себя, уже является обладателем этой коллективной наследственности в знаковой архетипической форме. «...образы являются «изначальными» в том смысле, что они свойственны человеческому роду как таковому и, если они когда-либо были созданы, их начало должно было хотя бы совпадать с началом вида. Они являются «человеческим качеством» человеческого существа, специфически человеческой формой, которую принимают его действия. Эта форма наследственна и существует уже в плазме зародыша. Представление о том, что она не передается наследственным образом, а заново возникает у каждого ребенка, столь же абсурдна, как и первобытная вера в то, что солнце, которое встает утром, это другое солнце по сравнению с тем, которое заходит вечером», – пишет Юнг [4. с. 215]. По его мнению, коллективное

бессознательное – не что иное, как итог жизни рода, оно присуще всем людям, передается по наследству и является тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика.

Хотелось бы обратить внимание, что коллективное бессознательное закреплено в наследуемых коллективных образах. Это не наследование индивидуальных биологических особенностей, и даже не закрепление индивидуального опыта, но, и не образы сформированные общей межчеловеческой культурой, т. к. передаются непосредственно от предков потомкам, а, следовательно, образы коллективного бессознательного, формируются и закрепляются в культурных формах жизни предшествующих поколений, т.е. в этнической истории.

Уточняя нашу позицию, подчеркнем, что первичность этнического самоопределения, по отношению к индивидуальному, и личностному, говорит, не о большей значимости, а лишь о необходимости, обязательности для становления личности. Мы утверждаем что, так как становление личности, это процесс который не прерывается на протяжении всей жизни человека, то постоянные идентификационные процессы, однозначно предполагают, среди прочего обращение к этническому, и его переосмысление в течении жизни, в процессе достижения идентичности.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека / Царство Духа и Царство Кесаря. – М. : Республика, 1995. – 375 с.
2. Иващенко А. П. Отечественная традиция в современных представлениях об этнической идентичности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 3. – 2013.
3. Чекрыгина Т. А. Социокультурные детерминанты идентификации личности. – Ростов-на-Дону, 2006. – 302 с.
4. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев, 1996. – 384 с.

PROBLEM OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL CULTURE

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophy, associate professor
Stavropol branch of Krasnodar University
of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The current state of ecology of culture is focused on showdown between traditional forms of sociocultural practice (falling under the type of traditional rationality of activity) and corresponding to them modernized, scientific and technical forms (falling under rational type). A key problem is possibility of preservation of ethno-cultural identity in the practical context within which various types of rationality are given to the foreseeable unity satisfying to the main axioms of ecology of culture.

Keywords: nature, culture, person, ethnos, co-evolution, personality, ethno-cultural identification.

At the current stage of social development as never before there is danger of environmental disaster connected with strong technological and social and converting impacts on the nature, culture and person [2, p. 168–177]. This situation promoted creation of the ecological movement for nature conformity preservation. The ecological consciousness with culturological attitudes, values and symbols appeared within this ecological movement [10, p. 29–31]. The defining influence on a way of problem statement and solution have, first, nature nature of thinking of that era in which the problem is formulated, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the definite and fixing this world structure- in language and in consciousness» [1, p. 156–159].

This ecological movement promoted that understanding of the keeping and involved relation to nature and culture values is primary. But after all ethnic group, being the carrier of culture and the inhabitant of the cultural environment, is also an essence of natural phenomenon [13, p. 45–48]. Therefore it was natural that in the atmosphere of ecological movement there was a belief in fruitfulness of the reproduction, ecological and intelligent relation to ethnic groups and their vital resources, in inadmissibility of the consumer relation to everything originally spiritual [9, p. 15–19].

Mechanism of regeneration of the live isn't boundless, and it is impossible to rely only on it. The more intensive the stream of technological, economic and information changes in a way of life, the more sharply is felt threat to preservation of ethnic groups of their viability and a spiritual originality [5, p. 17–21].

It forces to pay attention to three different measurements in historical and ecological ethnos life: features inherent in culture of each ethnos distinguishing it from cultures of other ethnoses (participation in cultural diversity); ability of

this culture to influence other ethnic cultures and to come under their influence (participation in cross-cultural interaction); self-identity of ethnic groups in times and all other measurements, significant for its life, their culture (participation in patrimonial authenticity) reached through continuity.

Ethnocultural identity assumes all three types of participation and therefore it is dynamic, historical quality of ethnos life, specific historicity provided with the broadcasting mechanism in society [6, p. 58–62]. In the ecological relation ethnocultural identity also means dynamic habitability in cultural border between which historically mobile.

Nerve of ethno-cultural perspective lies in the ratio of modernizations, updatings and reorganizations of way of life, on the one hand, and its continuity, valuable continuity, on the other [4, p. 29–31].

Formation of scientific technology as new historical force based on synthesis and co-evolution of research, design, organizational and technological processes gives notable consequences in life of one generation, making a way of life more and more dynamic, changeable and various [8, p. 68–71]. Never a stream of innovations was so dense and intensive; never it stimulated so vigorous process of change of styles and a way of life, claims on revaluation of all values; never threatened with such radical transformation to social and professional ethics and even to the shape of the person, an emotional and valuable basis of the personality [14, p. 94–95].

The structural innovations offered by history act as a challenge putting new historical tasks before ethnos [7, p. 7–11]. Here lies sense of possibility and impossibility with value, known from philosophical axiology. Axiomatic (thought) and enigmatic (not thought) conditions of consciousness are correlated just with possible and impossible for thought in these states. That, by the way, testifies to existential independence of the personality of thought [11, p. 282–284].

The listed ways of self-determination have a direct relation to a perspective of ethnocultural identity, so far we understand it as dynamic quality of historical and ecological life of ethnos. Thanks to interaction of culture on the one hand, and broadcasts of educational process, on the other, we have the existential continuum in which there is a process of ethno-cultural identification [12, p. 102–107].

In other words, ethnocultural identity is not only a reality needing confirmation, it is a predetermined outcome for free self-determination and self-realization in activity. The valuable sense of concept of preservation of historical destiny of the people thus isn't lost, but extended and specified: axiomatic accent in this concept with «destiny» is transferred to the «people» assuming will to self-determination - in the life and in the destiny of life [3, p. 197–206].

In the same direction the concept of ethnoprotective function of culture which is usually assuming that the culture and the ethnos in some sense are identical to each other is reinterpreted. Care of ethno-cultural identity means dispassionateness between ethnos and its culture, distance which is never equal to zero

(the limit corresponding to usual concept of ethnoprotective function), but also can't be too large or infinite (that would mean hypolevel of ethnos culture, and in a limit – long culture loss).

From the ethno-cultural identification point of view culture is identified as space of freedom and destiny where they - the destiny and freedom - at first are understood in the apprehensibility and only then carried out in direct sociocultural action (on this or that way of self-determination).

The ethno-cultural identity point of view is reflective culture realism point of view. Naive realism in the attitude towards culture, with which cultural science in many respects indulges in, too often turns to be not innocent utopianism which vital consequences are too well-known. On the contrary, reflective realism makes possible quite sober design attitude towards cultural and ecological realities basing on tradition realities (mimetic projects and programs), and on various innovations (futurological projects and programs).

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Говердовская Е. В. Особенности регионального подхода к системе высшего профессионального образования в полиэтническом пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 197–206.
4. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 12. – С. 29–31.
5. Гончаров В. Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–1. – С. 17–21.
6. Гончаров В. Н. Социокультурные аспекты информатизации общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 1. – С. 58–62.
7. Гончаров В. Н. Социальные институты в системе общественного развития // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 7–11.
8. Гончаров В. Н. Информационное общество в России: социально-политический аспект // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 17. – С. 68–71.
9. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. – 2013. – № 11–1 (38). – С. 15–19.
10. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 2 (46). – С. 282–284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.

13. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 45–48.
14. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 94–95.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

С. И. Сергеев

*Кандидат политических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный
университет, г. Пятигорск,
Ставропольский край, Россия*

Summary. The article discusses the formation of ethnic identity in the Russian Federation. The author examines the existing threats of the modern Russian national identity that emerged after the collapse of the USSR. Discusses the possible vectors of solving the problems of building a new, national identity.

Keywords: national identity; ethnic identity; national policy.

В настоящее время перед современной Россией в качестве одной из важнейших стоит проблема построения общей идентичности и выработки чувства общности и солидарности среди граждан нашего государства. По мнению У. О. Бимен, «в XX столетии выработка возникающими государствами национальной идентичности связана с громадными сложностями. Эти сложности особенно велики в тех случаях, когда данная нация включает в себя несколько этнических, религиозных или лингвистических групп» [1]. Проблема этнической идентичности в России, как впрочем, и на всем постсоветском пространстве, оказалась серьезной политической проблемой.

Под этнической идентичностью следует понимать разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Вместе с тем, этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней [2]. Проблема этнической идентичности является актуальной для решения проблем гармонизации российского общества на современном этапе его развития.

Сегодня в большинстве стран мира можно наблюдать процессы одной и той же направленности: идет необычайное усиление этнических чувств, проявляющееся во всех сферах человеческой жизни; значительно усилилась роль национального фактора в социально-политических процессах; повышается интерес к традиционной культуре. И все это на фоне того, что еще совсем недавно научная мысль вне зависимости от политических ориентаций предрекала скорое исчезновение национальной идентичности как значимого фактора социальной реальности. Большинство регионов мира охвачено процессом этнического возрождения, этническим парадоксом современности - парадоксом, потому что оно идет параллельно и вопреки с процессом глобализации.

События после распада СССР привели к значительно возросшему интересу к этничности на постсоветском пространстве. Кризис легитимности новых, обретших суверенитет, политических образований преодолевался путем конструирования идентичностей.

До конца 80-х гг. в СССР практически никто не был озабочен морально-правовым обоснованием той формы упорядоченности политического пространства, что сложилась в период советской власти. Задаваться вопросом о легитимности существования тех или иных «национально-административных» и «территориально-административных» единиц в тоталитарных условиях было лишено смысла. Основания, по которым было принято решение, оставалось тайной. Не следует забывать, что именно по этнонациональным границам, определенным большевиками для союзных республик, распался СССР. Подобно тому, как начертанные большевиками на политической карте границы союзных республик, при демонтаже СССР приобрели историческое значение как линии разлома, когда административные разделители территории превратились в государственные границы, в РФ внутренние административные разделители территории также при некоторых условиях могут стать линиями внутреннего разлома. В «национальных» республиках довольно широко распространен взгляд на Россию как на то, что остается «за вычетом» «национальных» республик. Этническая идентичность зачастую оказывается связанной с сепаратическими тенденциями и дезинтеграционными векторами. Существует серьезный повод для этнонационализма в России. До тех пор пока будет оставаться выделение субъектов Российской Федерации по этнотерриториальному принципу, конституционное право на определение (не определение) и указание (не указание) своей «национальной принадлежности» не может быть реализовано в полной мере. «Национальная принадлежность» будет провоцировать некоторую социальную напряженность, воспроизводить этнополитические предубеждения в отношении территориального самоопределения, «своей земли», «коренного народа», государственных языков» в национальных республиках – «государствах в государстве» [2].

С распадом СССР была утрачена и общая советская идентичность, на смену которой поднялись субнациональные, транснациональные, двунациональные, этнические идентичности. В условиях мультикультуризма в России существуют объективные потребности в поддержании позитивной этнической идентичности. Это представляется необходимым, поскольку этнокультурные различия не нивелируются, а жестко фиксируются, что может стать благоприятной почвой для ксенофобии в современной России. Проблема позитивной этнической идентичности является актуальной, так как на межгрупповые установки влияют не столько стереотипы аутгруппы, сколько чувства, связанные с ингрупповой принадлежностью [2].

Проблема позитивного отношения к этническому разнообразию, его сложности и динамичности особенно важна для нашего государства в настоящее время. И здесь важно понимание чувства позитивного отношения не столько к обычаям и традициям различных этнических групп, а сколько понимание и принятие того, что мы живем в светском обществе и прежде всего здесь главенствуют не традиции и обычаи какого-либо этноса, а моральные принципы и нормы высокоразвитого цивилизованного общества, построенного на патриотизме к стране в которой мы живем [4].

В России национальная идентичность пока не смогла стать фактором социальной стабильности. Во многом это является следствием хронических ошибок в национальной политике проводимой государственными органами в недавнем прошлом. Кризис идентичности является важнейшей проблемой на современном этапе развития страны. Без ее решения невозможно разрешить существующие социально-экономические задачи, которые возникают сегодня перед страной. Перед политическими силами РФ в качестве одного из самых важных направлений на современном этапе развития должно являться решение проблемы построения новой, общероссийской идентичности и выработки чувства общности и патриотизма среди граждан нашего полиэтнического государства.

Библиографический список

1. Бимен У. О. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультуризма. На примере Таджикистана // Политические исследования – 2000. – № 2. – С. 156.
2. Жаде З. А. Векторы геополитической идентичности / З.А. Жаде; Южный федеральный университет. – Майкоп : Качество, 2007. – С. 120–121.
3. Орлова И. Б. Конструирование этнического образа России. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. – С. 45–51.
4. Проблема толерантности и интолерантности в межэтнических отношениях на Северном Кавказе // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 8 (26). – С. 49–50.

II. THE DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

ТРАНСЛЯЦИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ЧЕРЕЗ СУВЕНИРНУЮ ПРОДУКЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

И. И. Акинфеева

*Старший преподаватель,
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия*

Summary. This article is dedicated to the allocation of identification systems of signs of the material culture of the Old Believers of Buryatia. Describes the elements, turning into souvenirs. About these systems are the basis for the design of souvenirs that represent the culture of the Old Believers.

Keywords: identification systems; culture of the Old Believers; souvenir.

В результате ареальных исследований культуры старообрядцев были выявлены основные пласты культуры, которые используются в сувенирной продукции: костюмный комплекс; роспись; детская игрушка; народные промыслы; использование мотивов обычаев, праздников и знаковых мест.

Самым популярным идентификационным элементом, отмечен костюмный комплекс. У семейских в силу приверженности старине и религиозных воззрений, а также в связи с их территориальной отдаленностью долго сохранялись старинные формы национального одевания. У старообрядцев костюм делится по полу, возрасту и статусу на мужской и женский, на девочек и женщин замужних, вдов, старух [1]. Женский костюм состоит из головного убора, сарафана с рубахой, украшений, фартука с поясом, обуви. Мужской костюм – из рубахи, штанов, обуви и шапки или кепки (по городской моде). У девочек и девушек в качестве головных украшений используют ленту и наконник.

В сувенирную продукцию переносятся больше мотивы женского костюма, а именно замужней женщины. Мужской и детский образы используются реже. В частности в сувенирную продукцию из женского костюма переносятся: кичка с шалью, монисто, сарафан с фартуком и рубахой; из мужского – рубаха, штаны, сапоги и иногда кепка.

Вторым по значимости крупным идентификационным элементом культуры является роспись домовая и предметная. На данный момент этот пласт культуры можно отнести к утраченным, т. к. в результате совершен-

ных экспедиций было выявлено, что в деревнях и селах осталось по одному – два дома с росписью XIX века. Росписью было принято покрывать дома изнутри и снаружи, предметы быта, мебель и различную утварь. Как и во всех росписях, в семейской можно выделить основные элементы орнамента [2]. Применялись орнаменты растительной, зооморфной и геометрической групп. К растительным относятся различные букеты в вазонах, составленные из изогнутых веток с листьями и цветами. Вазами с цветами стремились подчеркнуть свой статус и стремление к красоте. Распространенный элемент растительной росписи семейских – это «косачи» или «кочари». Цветочными мотивами служили тюльпаны и розаны, соединенные в букеты. Цветы символизировали красоту, красочность жизни. Букеты располагались в вазонах с симметрично расположенными под ними изображениями зверей, а чаще птиц. К зооморфным – изображение птиц, а именно уток, гусей, голубей, петухов. Голуби символизировали тепло, свет, волю, а куры, петухи, утки и гуси – достаток, богатство, урожай. К геометрическим – сетки в виде ромбов, квадратов, треугольников. Ромбовидные узоры символизировали вспаханное поле, а с использованием точки внутри ромба – засеянное поле. Но также есть упоминания формы ромба как мужского значения, а круга как женского. Сетки могут быть по форме прямоугольника, ромба или треугольника. В семейской росписи выделяют отдельную группу геометрических и полурастительных мотивов, такие как круги и розетки. Простейший элемент полурастительной росписи представляет однотонный круг или цветочную розетку. Круги изображаются вписанными друг в друга: от 3–10 и более. По периметру круги расписываются орнаментами или просто криволинейными и ломанными линиями. Круги символизировали солнце и вечность.

Роспись служит идентификационным элементом и переходит на различные сувениры (шкатулки, кухонную утварь, игрушки). Надо отметить, что в сувенирной продукции роспись уменьшила свой масштаб.

В качестве третьего идентификационного элемента культуры выделяется детская игрушка. Игрушек у детей было не так много. Это были деревянные куклы, тряпичные куклы-мотанки, свистульки. Они были выполнены из натуральных материалов. В обиходе были безликие куклы – куватки. Делали деревянные птички-свистульки и погремушки-колотушки, волчки. Из воспоминаний респондентов свистки делали мальчишки из ивового прута. Подобные образцы не сохранились. Но в настоящее время отмечен спрос на экологически чистую детскую игрушку, и тем более, ручной работы.

Народные промыслы семейских, как идентифицирующий элемент, возрождаются, по большей части в детских коллективах при школах в деревнях и селах. Для своего быта семейскими изготавливалась различная утварь из дерева, бересты, ивового прута, ткали домотканшину, половики, пояса, шили сами одежду, занимались бисероплетением и вышивкой для

украшения отдельных элементов одежды и многое другое. Некоторые предметы промыслов встретились на выставках и прилавках магазинов: это туяса из Гусиноозерска, половики и пояса из с. Хасурты, бисероплетение и коврики-круги из с. Тарбагатай.

Вся культура семейских пропитана смыслами и знаками веры, традициями. В сувенирной продукции не так давно начали использовать мотивы с изображением знаковых мест, например с изображением. Например, Лев-гора (Омулевка), образы старообрядческих домов и церквей, использование мотивов обрядов, например свадебного обряда, образа креста, как символа веры. От праздников, например, в сувенирную продукцию перешли яйца – писанки, т. к. они служили оберегами в доме, сама праздничная выпечка и ее образ.

Ускорившийся процесс исчезновения элементов традиционного уклада жизни влияет на то, что быстро происходит утрата привычных пространственных ориентиров, что выражается в перестройке домов в сельской местности, в «осовременивании» интерьера и почти полном исчезновении старинных предметов из бытовой обстановки, национальных одеяний. Сувенир является феноменом культуры, транслирующим ее в процессе мировой глобализации. Сувенирная продукция показывает туристам традиционность, бытность, уклад жизни, присущие какому-либо этносу.

Библиографический список

1. Болонев Ф. Ф. Семейские : историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. – 224 с.
2. Ильина-Охрименко Г. И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX–XX вв. Резьба и роспись. – Улан-Удэ, 1972. – 88 с.
3. Железняк О. Е. Охрименко Г. И. Пространство культурной идентификации. Семейские Забайкалья : монография. – Иркутск, 2009.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ

А. Ю. Ермилов

Аспирант,
Международный независимый
эколого-политологический университет,
г. Москва, Россия

Summary. In the course of research the main content of multiculturalism as management system of cultural diversity was defined. According to the research a conclusion has been made that elements of multiculturalism which are present in European policy of cultural diversity management have lead to the appearance of “parallel societies” and anclavisation of cultural minorities. An alternative to multiculturalism in Russia is the policy of interculturalism which is based on the idea of intercultural interaction.

Keywords: intercultural communication; multiculturalism; migrants.

Концепт мультикультурализма в современном политическом дискурсе вызывает весьма поляризованные оценки. Одни признают его оптимальной формой существования полиэтнического общества, другие видят в нем основную причину сегодняшнего кризиса европейского социума.

Защитники концепции мультикультурализма рассматривают его и как характеристику современного общества, представленного многообразием культур, и как сугубо культурологический принцип, заключающийся в том, что люди разной этничности, религии, расы должны научиться жить рядом друг с другом, не отказываясь при этом от своего культурного своеобразия [7]. Мультикультурализм дает возможность национальным меньшинствам следовать своим национальным особенностям не только у себя дома, но и в общественной жизни. Это может реализовываться в создании соответствующих общественных объединений, возможности не скрывать свои религиозные убеждения. Такой подход, как правило, не вызывает возражений среди европейских политиков.

Однако если рассматривать термин «мультикультурализм» через призму государственной политики, как относящийся к определенной политической идеологии, тогда, согласно этому понятию, все культуры равны. А поскольку они равны, то государство не может устанавливать конкретные культурные ценности как главные или доминирующие. Другими словами, государство не может пропагандировать какую-либо культуру как ведущую, которую иммигранты должны принять, если они хотят жить в данной среде.

Таким образом, культурно-философская концепция мультикультурализма строится на трех положениях: каждый член общества имеет этнически обусловленную культурную принадлежность; каждая культура заслуживает уважения; культурный плюрализм нуждается в поддержке государства. Политика мультикультурализма, как реализация соответствующей

концепции, представляет собой систему целенаправленных мер государства, целью которых является обеспечение конструктивного существования различных этнических, религиозных и культурных групп в рамках одного либерального демократического государства.

Каждый из исследователей, обращающихся к термину мультикультурализма, вкладывает в него свой смысл. Х. Д. Хоффман-Новотный определяет мультикультурализм как «стремление к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры» [10, р. 95]. С. Хантингтон рассматривает мультикультурализм как сущность антиевропейской цивилизации, как «движение, противостоящее монокультурной гегемонии Европы, которая, как правило, ведет к маргинализации прочих культур...». [9, с. 268]. Один из основателей мультикультуралистического концепта, канадский ученый Уилл Кимлика, рассматривал мультикультурализм как «политику признания гражданских прав и культурной идентичности этнических меньшинств» [12, р. 280].

Английский теоретик мультикультурализма Ч. Кукатас выделяет два варианта концепта мультикультурализма: «мягкий» и «жесткий». «Мягкий» мультикультурализм предполагает готовность общества и его институтов принять культурное разнообразие как данность. В этой версии мультикультурализм представляет собой политику, которая гарантирует отсутствие принудительной ассимиляции мигрантов принимающей стороной. «Жесткая» модель предполагает проведение специальной политики, направленной на защиту этнических меньшинств от ассимиляции. Принципиальным отличием данного варианта является то, что принудительная ассимиляция рассматривается как нежелательный социальный процесс. Ч. Кукатас, характеризуя положения жесткого мультикультурализма, добавляет: «к разнообразию следует не просто относиться толерантно, его нужно укреплять, поощрять и поддерживать как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав» [4].

Довольно часто исследователями предлагается схема увязки мультикультурализма и либеральной парадигмы. Так профессор Б. Остендорф выдвинул концепцию «двух либерализмов». Согласно данной теории, в ситуации мультикультурного общества необходим переход от классического индивидуалистического либерализма (либерализм-I) к мультикультурному либерализму (либерализму-II), который должен защищать коллективные (групповые) права [13, р. 122].

На практике политика мультикультурализма представляла собой совокупность правовых, институциональных и идейно-политических инструментов, формы, функционирования которых варьировались в разных странах. Однако практика их применения относилась скорее к «жесткой» модели мультикультурализма. Их суть заключалась в предоставлении га-

рантий сохранения социокультурных прав в первую очередь новым иммигрантским сообществам.

Однако сомнения относительно возможности реализации оптимального варианта мультикультурного проекта прозвучали в экспертном сообществе намного раньше сегодняшнего кризиса. С.Хантингтон отметил, что мультикультурализм не способствует интеграции меньшинств, поскольку легитимизирует возможность сохранения ими собственной социокультурной идентичности [9, с. 226]. Аналогичные опасения высказывал и Б. Остендрф: «Как предотвратить превращение культурной лояльности «либерализма-II» в «нормативную» и «сущностную» и не допустить, чтобы границы, призванные защищать меньшинство, стали непроницаемыми для других меньшинств»? [13, р. 123].

Сами создатели мультикультуралистического концепта склонны признать тот факт, что положения мультикультурализма используются элитами не для гарантий прав, а для консервации расового и гендерного неравенства, несправедливых культурных практик [12, р. 270]. Кроме того, и сторонники, и противники мультикультурализма определяют его практическую реализацию как расистскую [11, р. 69]. Сторонники мультикультурализма видят в нем некий вариант колониальной практики, при которой сталкиваются и противопоставляются подчиненные этнокультурные группы. Противники же привлекают внимание к практике дискриминации в отношении представителей новых диаспор.

Тот непреложный факт, что нынешнее процветающее состояние в Европе было достигнуто и благодаря труду легальных мигрантов, позволяет активистам «новых диаспор» формулировать социальные и культурные амбиции «новых меньшинств» как равноправных членов европейских национально-государственных политий. Таким образом, уже не иммигранты должны адаптироваться к европейской цивилизации, а сама Европа – к новым законным обитателям. Данный феномен можно рассматривать как некий вид антиколониального движения, только уже происходящего на территории самой метрополии, под которой понимается весь цивилизационный европейский ареал.

По моему мнению, говорить о полном провале политики мультикультурализма преждевременно. Особенностью реализации мультикультурной политики на современном этапе стало то, что она осуществляется в контексте целого комплекса проблем: экономических, политических и социальных.

Критики мультикультурализма опасаются, что данная политика приведет к ослаблению гражданской солидарности и вызовет рост конфликтов на этнической, религиозной и культурной почве. Данные опасения частично оправдались, и привели к тому, что на практике в Европе с увеличением числа иммигрантов на первый план выходит проблема национальной идентичности. В этой связи следует отметить и процесс делегитимизации европей-

ской идентичности. Европейская идентичность не смогла полноценно заменить или дополнить национальные идентичности европейских стран [2].

Проблема мультикультурализма – это проблема «коммунитаризма», то есть такого состояния, при котором субъектами политики становятся этнические общины, диаспоры. Существует единственный фактор, гарантирующий мирное сосуществование этих общин в составе большой нации – самостоятельность и саморегуляция общества. Коммунитаризм нарушает механизм интеграции. Люди склонны осваивать чужую культуру, если приезжают одни. Но если в миграцию вовлечены целые общины, возможности для интеграции приезжих и их общения с автохтонным населением резко уменьшается, а в противовес гражданскому обществу появляются общинные и диаспоральные лидеры [6].

Анализируя процесс развития современного общества, можно сказать, что взаимодействие нескольких культур проще всего укладывается в схему ассимиляции, когда одна культура исключает другую. Перспектива ассимиляции не вызывает столько теоретических проблем, сколько перспектива мультикультурализма. Так, одна из наиболее развитых стран Европы – Германия, основной акцент сегодня делает на германизацию многочисленных мигрантов. Аналогичная ситуация складывается и во Франции с выходцами из Магриба, а также и в Великобритании. Таким образом, сегодня наблюдается тенденция к доминированию господствующих культурных ценностей и к подавлению культур национальных меньшинств. Однако данный путь культурного развития не является неизбежным. Кроме того, даже если просто проанализировать стремительно меняющийся этноконфессиональный состав стран Европы, становится очевидной неубедительность данного подхода.

В странах Европы сегодня существует противоречие между демократией и мультикультурностью. По мнению германского эксперта А. Рара, «деятельность властей стран ЕС по сохранению европейских традиций все больше становится похожей на идеологию. А идеология всегда нетолерантна в отношении других. В то же время, есть другая тенденция - мультикультурность и власть меньшинств. Толерантность требует, чтобы меньшинства стояли на том же самом уровне, что и большинство. И это правило демократии – у нас все равны. Такие противоречия приводят к нестыковкам. Европа сейчас ищет сама себя» [3].

Однако преждевременно делать вывод об отказе стран Западной Европы проводить политику мультикультурализма. Громкие заявления на этот счет прозвучали преимущественно от лидеров консервативного политического лагеря. Кроме того, принципы мультикультурализма введены в законодательство западноевропейских стран и их никто не отменял. И главное – это отсутствие у современных европейских элит плана по исправлению ситуации.

Современная ситуация в Европе, на мой взгляд, является промежуточным этапом на пути появления новой культуры. В рамках политики мультикультурализма, взаимодействие культурных групп, на первом этапе развивающихся параллельно, приводит к возникновению новой группы. Становление новой культуры осуществляется в рамках межкультурного диалога, базирующегося на сохранении и развитии культурных традиций каждой из культур. «В новом культурном формировании комплиментарность в отношениях со временем возобладает над антагонизмом. Каждая культура принесет в это мультикультурное сообщество только то, что способно его обогатить» [8].

При проведении политики ассимиляции, природа и структура новой культуры будут выстраиваться исходя из уже имеющегося опыта доминирующей культуры, создавать ничего нового не придется. При проведении мультикультурной политики необходимо разработать механизм, который устраивал бы всех участников этого сложного межкультурного диалога. Отказаться от наиболее простого пути развития, предоставить участникам проекта определенную свободу действий – это революционный шаг в сложнейшем механизме построения новой культуры.

Дискуссии вокруг мультикультурализма схожи с движением маятника. С одной стороны, борьба за культурные права иммигрантских сообществ в одной из своих крайних точек приводит к такому последствию межкультурного взаимодействия как сегрегация. А с другой стороны, борьба против этой крайности может привести к подавлению культурных прав со стороны одной – самой «сильной» культуры, что само по себе уже расизм [1].

Многие исследователи, пытаясь найти баланс между этими крайностями, предлагают отделить культурную и этническую идентичности. В культурно плюралистическом обществе никакая культура не может быть господствующей, понятия «этнос» и «культура» должны быть разведены, право на отличие должно быть индивидуальным. «Культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию» [5].

Общество как любая система реагирует на происходящие в ней изменения. Реакция может варьироваться от полной апатии до громадных всплесков активности, и зависит она от того, насколько серьезными и глобальными являются изменения в системе от появления новых элементов. Задача государства заключается в регулировании процесса вхождения новых элементов системы. Если процесс вхождения иммигрантов в принимающее сообщество замедляется или совсем останавливается, то стабильность в обществе нарушается и можно ожидать негативных последствий.

Кроме того, степень реакции обусловлена уровнем демократичности общества. Одной из главных целей демократического общества является стабильность системы, поэтому и реакция на вхождение новых элементов в таких обществах проявляются менее бурно.

Значение таких реакций нельзя недооценивать, они являются своего рода лакмусовой бумагой всех проблем, накопившихся в обществе. Такие реакции могут перерасти в политические скандалы, которым предшествуют острые дебаты, столкновения между представителями правительства и общественности. Сегодня большинство европейских стран все чаще поднимают проблему, связанную с управлением культурным разнообразием. Примером наиболее сильной реакции стала публикация Т. Саррацином книги «Германия самоликвидируется». Другим примером бурной реакции является появление карикатур на пророка Мухаммеда.

Данные реакции свидетельствуют о том, что с появлением новых элементов – иммигрантов, в обществе растет недовольство, механизм вхождения новых членов общества дает сбой. Ситуация накаляется и замалчивать проблему не получается, также не решить ее и рестриктивными мерами.

На современном этапе становится очевидным, что прогресс этнического плюрализма приводит к росту межэтнической напряженности. В результате массовые хулиганские действия, как недовольных представителей меньшинств, так и представителей крайне правых группировок, будут становиться обычным явлением на улицах европейских городов. Чтобы бороться с подобными явлениями, государство в целях безопасности будет вынуждено создавать все новые системы контроля и слежки. Все это может привести к появлению неототалитарных обществ, в которых каждый индивид будет рассматриваться с точки зрения возможной опасности, которую он представляет. При проведении политики мультикультурализма, когда население государства разобщено на отдельные этно-конфессиональные группы, не существует «воли народа», демократия умирает. В итоге это может привести к диаспорализации, инволюции национальных государств в диаспоральные сообщества. Конечно это наименее возможный вариант развития событий, но и его нельзя сбрасывать со счетов.

Актуализация проблемы «инаковости», поднятая в заявлениях лидеров крупнейших европейских стран, свидетельствует о наличии серьезных трудностей в процессе аккультурации мигрантов, в определении европейской и национальной идентичностей. Однако сегодня остается открытым вопрос: каким образом достичь соблюдения индивидуальных прав и свобод личности, сохранить культуру иммигрантов, и одновременно обеспечить соблюдения мигрантами норм и традиций принимающего общества? Формула такого баланса не найдена, но это не значит, что нужно отказываться от политики мультикультурализма.

Таким образом, говорить о провале мультикультурной модели рано, правильнее обозначить данный этап как кризис или трансформацию в условиях современной европейской действительности. При отсутствии альтернативных подходов, отказ от мультикультурализма вряд ли поможет европейским государствам выжить и сохранить лояльность своих граждан. Кроме того, все те противоречия в сфере культурных и этнических отношений, которые накопились за десятилетия существования проблемы, вряд ли можно разрешить одномоментно. Идея мультикультурализма не умерла, умерло его догматическое видение.

Библиографический список

1. Абашин С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://history.kubsu.ru/pdf/k4-112.pdf>
2. Большова Н. Мультикультурализм: провал или кризис? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document215823.phtml>
3. Европа на грани потери толерантности. [Электронный ресурс]. – URL: <http://obozrevatel.com/abroad/97026-evropa-na-grani-poteri-tolerantnosti-ekspert.htm>
4. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/327>
5. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/analit04.php>
6. Паин Э. В России нет ни мультикультурализма, ни нации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://runet.tyzhden.ua/Node/93903?attempt=1>
7. Паин Э. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0473/analit04.php>
8. Сергеева О. Мультикультурализм и культурная интеграция: антагонизм или партнерство? [Электронный ресурс]. – URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/home/news/KVM_archive/articles/2011/01/2011-01_r_kvms2.pdf
9. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А.Башкирова. - М., Транзиткнига. 2004. 637с.
10. Hoffman-Novotny H. J. Soziologisches Aspekte der Multikulturalitaet // Migration. Ethizitaet. KonfliktTeKCT. / Hg. K. J. Bade.-Osnabrueck, 1996. 183 p.
11. Kundnani A. The death of multikulturalizm. Race a.Class. – L., 2002. – P. 67–72.
12. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – 280 p.
13. Ostendorf B. The paradox of tolerance// The end of tolerance? – L., 2002. – P. 121–131.

СТРАТЕГИИ И ФАЗЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Л. В. Климович
Л. Ю. Лукичева

*Кандидат исторических наук,
аспирант,
Ульяновский государственный
университет, г. Ульяновск, Россия*

Summary. This article analyzes the main components of the process of adaptation of migrants. It is also considered a strategy of socio-cultural adaptation of migrants. The main problem of the identification of migrants.

Keywords: socio-cultural adaptation; identity; migration; migrants; the stage adaptation and strategies of adaptation.

Миграционные процессы в современном мире перестали носить территориально-национальный характер и вышли далеко за пределы пространственных границ стран и континентов. Человек легко пересекает любые границы и попадает в новую социокультурную среду. Соответственно вопросы социокультурной, этнокультурной идентичности и адаптации выходят на первый план.

Исследователи выделяют несколько признаков идентичности, которые характеризуют самоощущение человека:

1. наличие оппозиции «мы» (носители культуры) и «они» («свои» – «другие», «чужие»), то есть носители иной этнокультурной идентичности [1; 2];
2. система базовых признаков организации образа жизни;
3. ценности, принципы, идеалы, характерные для родной национально-культурной идентичности;
4. механизм передачи опыта потомкам.

Проблема самоидентификации индивида за рубежом неразрывно связана с процессами адаптации в новой среде. Адаптация – естественный социальный процесс, который направлен на приспособление человека к новым реалиям. Стадии, которые мигрант проходит в процессе адаптации аналогичны стадиям психологической адаптации индивида в новой социальной среде. В процессе адаптации мигрантов можно выделить несколько этапов:

1. целенаправленный конформизм – человек знает, что необходимо делать в новой среде, но пока придерживаются старой системы ценностей – (А. Маслоу) [4];

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01044-a1

2. взаимная терпимость – личность и среда проявляют взаимную терпимость к ценностям и формам поведения друг друга (Я. Щепаньский) [6];

3. аккомодация – взаимная терпимость сторон и взаимные уступки (Я. Щепаньский) [6];

4. ассимиляция – полное приспособление, при котором индивид отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды (Ж. Пиаже) [5].

На основе вышеуказанных стадий социально-психологической адаптации личности, в социологии выделяют стратегии межэтнического взаимодействия в новой социокультурной среде:

1. Стратегия «геттоизации» (пассивной автаркии). Мигранты, оказавшись в иной культурной среде, стремятся избежать контактов с носителями чужой культуры. Они создают свой микромир с «родной» этнокультурной средой соотечественников. Пассивная автаркия характерна для представителей этнических меньшинств (переселенцев, беженцев), проживающих в мегаполисах, крупных городах.

2. Стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии). Новая социокультурная среда воспринимается неадекватно и критикуется, часто мигранты пытаются привнести свои культурные атрибуты и образ жизни в новую среду.

3. Ассимиляция предполагает отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию с новым социокультурным обществом.

4. Интеграция (аккультурация). Считается наиболее успешной и предпочтительной стратегией адаптации, заключается в синтезе своей социокультурной идентичности и принятие ценностей «чужеродной» культурной среды. Мигранту необходимо усвоить базовые ценности, нормы образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех этнических групп в его составе [7].

На выбор стратегии поведения индивида в иной социокультурной среде влияет достаточно большое количество факторов как внутренних, так и внешних. К внешним факторам адаптации можно отнести:

1. политическая и социально-экономическая ситуация в стране-реципиенте;

2. характер миграционной политики властей принимающей страны;

3. деятельность общественных объединений соотечественников, их роль в процессе адаптации приезжих;

4. реакция принимающего сообщества.

К внутренним факторам можно отнести: индивидуальные особенности человека (пол, возраст, образование, характер), жизненный опыт и др. Выбор адаптационной стратегии поведения в той или иной мере определя-

ется через этап «культурного шока» через который проходит каждый человек после переезда. Он содержит в себе как отрицательные составляющие (непринятие сообщества, страх перед одиночеством, маргинализация и т. д.), так и положительные: мигрант постепенно принимает новые ценности и модели поведения, что дает импульс к саморазвитию, самоактуализации и самоутверждению.

Ведущие мировые психологи, определяя понятие «культурного шока» иностранцев, выделяют пять основных этапов адаптации мигрантов к культуре и своему новому положению в другой стране [3].

1. Фаза эйфории. Выражается в приподнятом настроении и оптимизме. Мигранту нравится страна, кажется, что у него все получится. Продолжительность этапа различная, зависит от личных особенностей человека и трудностей, с которыми он сталкивается.

2. Фаза наступающего разочарования. Постепенно приходит осознание того, что включение в новую среду сложный процесс, и он все равно для местного сообщества останется «чужаком». Получаемая информация, возникающие проблемы и барьеры в их преодолении формируют целостное представление о новом социокультурном сообществе. На этом этапе все отчетливее происходит осознание, что многое придется начинать заново: карьера, статус, возможно образование.

3. Ориентационная фаза. Сложный этап, во время которого человек начинает разбираться в устройстве нового социума, происходит отторжение всего нового. Для многих это становится решающим моментом в вопросе возвращения на Родину. В этой фазе ярче всего проявляется этническая идентификация индивида.

4. Фаза преодоления депрессии. Мигрант активно действует в новой социальной жизни, осваивает новую профессию, получает дополнительное образование, совершенствует язык. Позиция отторжения местного сообщества уходит на второй план; человеку начинают нравиться окружающие, он понимает их. Комфорт в повседневной жизни, благоприятствует завершению процесса адаптации.

5. Деятельная фаза. Характерна для тех мигрантов, кто проявляет активную деятельность, приспосабливается к особенностям жизни в другой стране, принимает свое социальное положение. На данном этапе мы можем говорить о формировании новой идентификации индивида, включающей в себя элементы родной культуры и страны-реципиента.

Во многом процесс адаптации связан с решением возникающих проблем. К ним относятся миграционная политика государства, условия проживания, регистрации, получения социальных пособий. Важными выступают проблемы, возникающие из-за различий этнокультурного характера, социальных норм, правил, базовых ценностей.

Социокультурная адаптация происходит за счет привыкания к нормам, ценностям и образцам поведения инокультурной среды. Во многом

она связана с толерантным отношением принимающего сообщества. Самоидентификация индивида, его идентичность зависят от той стратегии адаптации, которую человек для себя выбирает и может меняться во времени. В процессе адаптации мигрант сталкивается с проблемой сохранения своей национальной культуры, самосознания, а также необходимостью устанавливать контакты с новым социальным окружением, умением ориентироваться в обстоятельствах принимающего сообщества.

Библиографический список

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – 496 с.
3. Культурный шок и адаптация иммигрантов. // Портал Русскоязычная Великобритания. URL: http://britainrus.co.uk/stats/Kulturnyj_shok_i_adaptacija_immigrantov/ (дата обращения 24.09.2015)
4. Маслоу А. Теория человеческой мотивации. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
5. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. Государственное учебно-педагогическое издательство, Москва – Ленинград, 1932. URL: <http://www.detskiysad.ru/ped/piaget.html> (дата обращения 23.09.2015)
6. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Общ. ред. и послеслов. акад. А. М. Румянцев; пер. с польск. М. М. Гуренко. – М. : Прогресс. 1969. – 240 с.
7. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования, 2007. – № 5. – С. 70–77.

ЭВЕНЫ ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРЕДКОВ

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary: In this article provides information about the ethnic group Evens living in the upper reaches of the Kolyma River, language and culture which special lighting in the literature have not received. The article is devoted to the cultural characteristics of the local group and is based on the author's field data.

Keywords: evens; material culture; history; traditions and ethnicity.

Территория Республики Саха (Якутия) является областью культурного, политического и экономического взаимодействия разных народов на протяжении многих столетий. Якутия – регион с уникальными природно-климатическими, экологическими условиями, где в результате сложных этногенетических процессов сформировались определенные этнические общности с присущими им антропологическими особенностями, со своеобраз-

ной системой природопользования, этнографическим комплексом, собственными языками и самосознанием. В Якутии проживают представители 5 коренных малочисленных народов Севера (эвены, эвенки, чукчи, юкагиры и долганы), которые, будучи включенными в массив иных культур, становятся субъектами различных социокультурных процессов [5, с. 229].

Эвены на территории Республики Саха (Якутия) расселены небольшими группами по таким северным улусам, как Кобяйский, Эвено-Бытантайский, Нижнеколымский, Аллаиховский, Верхнеколымский, Усть-Янский, Момский, Томпонский, Оймяконский, Среднеколымский, Абыйский, Верхоянский и Булунский.

В Верхнеколымском улусе Якутии эвены компактно, в количестве 95 человек, проживают в одном населенном пункте – в с. Утая. В селе имеются общеобразовательная школа, фельдшерско-акушерский пункт, детский сад, дом культуры, сельская библиотека. Основной хозяйственной деятельностью эвенов данной локальной группы является оленеводство. На сегодняшний день поголовье оленей составляет 1236 голов.

Специальные исследования языка эвенов данной локальной группы ранее не проводились. В научной литературе имеются лишь фрагментарные сведения по языку верхнеколымских эвенов [1, 2, 4, 6, 7]. С.И. Шарина отмечает: «Материалы по верхнеколымскому говору в исследованиях по эвенскому языку отсутствуют, в публикациях не отмечаются ни тексты, ни образцы бытовой речи, не встречаются материалы даже в виде иллюстративных примеров» [6, с. 115].

В 2014 г. научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН была осуществлена экспедиционная поездка в Верхнеколымский улус Якутии с целью фиксации лингвистических материалов эвенов и исследования сохранившихся у них культурных традиций и обрядов, отраженных в иллюстративных примерах. В результате полевых исследований были собраны языковые и этнографические материалы данной этнической группы. Информантами выступило старшее поколение эвенов в возрасте от 62 до 78 лет. В ходе лингвистических исследований обнаружилось, что интерференция наблюдается на всех уровнях языка. Особенно это заметно в области фонетики и лексики. В речи верхнеколымских эвенов отмечается использование значительного количества лексем, заимствованных из якутского языка. Согласно проведенным социолингвистическим исследованиям, язык верхнеколымских эвенов подвергся ассимиляции. Среди эвенов данной локальной группы на родном языке говорит только старшее поколение. Число владеющих языком не превышает 10 человек. Носители эвенского языка все чаще предпочитают использовать в быту якутский язык. Данная тенденция наблюдается не только у представителей исследуемой группы эвенов. Нужно заметить, что по всей территории, где проживают эвены, в

частности, у тугясирских эвенов из Эвено-Бытантайского улуса Якутии, произошел полный переход с эвенского языка на якутский [2, с. 64–66].

Во всем современном мире происходит трансформация, деформация традиционной культуры малочисленных народов Севера, в том числе и эвенов. Несмотря на все эти изменения, эвены в большинстве своем, хоть и фрагментарно, сохраняют духовную и материальную культуры. Это относится и к эвенам Верхней Колымы, сохранившим духовную и материальную культуры, но утратившим материнский язык. Об обряде поклонения культу огня рассказывает 78-летняя П. И. Слепцова: «Би тогу эрэгэр улэвэттэм. Только элэ Ыыранкала благоустроеннай дьу, оһок-та як-та ачча, илэ-дэ эһэнни улэр. Тала дьулай Арылахла исми дьэ улэдьим. Эрэв Һиргэчим дьиңинэн тогу улэникэн гөһнэс бичэ». – букв. – «Я огонь постоянно кормлю. Только здесь, в Зырянке, благоустроенный дом: ни печки, ничего нет, негде кормить. Поеду домой в Арылах и покормлю (огонь). Это благопожелание надо произносить, угощая огонь».

У народов Севера, в том числе у эвенов, Огонь имел не только практическое, но и священное значение. С Огнем связано наибольшее количество запретов. Дух Огня эвены называли «Тов мухонни». К Огню обращались с просьбой, его почитали, при переезде на новое место его обязательно кормили. Обряды кормления Огня сопровождались особыми словами и благопожеланиями – *һиргэчин*.

Сакральное отношение к данному культу устойчиво, вне зависимости от возраста или социального положения, сохраняется у многих групп эвенов и в настоящее время. Культ огня-очага уходит корнями в прошлое народа. Как отмечает исследователь Попова У. А.: «Огонь, костер очага был прежде главной святыней в жилище эвенов. По традиционным представлениям, в нем воплощался главный покровитель семейного счастья, любви, согласия и всяческого благополучия человека – Тбү мурāн'н'и (досл. «огня невидимый дух»). По мнению советских специалистов о проблемах пережиточных форм общественного сознания у народов Крайнего Севера, культ огня-очага относится по происхождению к древнейшей родовой организации и генетически связан с двумя формами культа той эпохи – семейно-родовых святынь (хранителей) и семейно-родовых предков» [3, с. 184].

У верхнеколымских эвенов сохранена технология обработки меха, культура выделки шкур и декорирование данных материалов. Основным материалом является шкура оленя. Работа, связанная с выделкой и обработкой шкур, достаточно трудоемкая, она состоит из нескольких этапов. Вот что рассказывает о данном процессе наш информант П. И. Слепцова: «Эрэк-тэмэр тэргэс унто. Орон нандаван тэргэһэңэнни. Эмиэ һо улэлкэн, тэргэһу тэргэһэңэнни, тарит тар бастан һиганни, һигридьи олгичанни, тарит кочайанни, кочайдаридьи инңаттан һуссидьи дьэ кочайанни, эртэвэн эмиэ кочайанни, уңһон эмиэ кочайанни. Тарич тар дьэ орон һакандьин уңэнни. Орон һакандьин астаридьи дьэ илам-адив, дьөр инэңив нэкчири-

дьи дьэ иннэс, моңһоннас, һов гору моңһоннас тэмбэс окон. Тарич тар дьэ һаһананни, унтоу һаһананни, тар һайыралбу һаһананни». – букв. – «А это замшевые унты. Шкуру оленя выделяешь. Тоже трудоемкая работа – замшу выделять: сначала снимаешь шкуру; сняв, сушишь; затем снимаешь мездру; удалив мездру, стрижешь шерсть и затем опять снимаешь мездру. Затем печенью оленя смазываешь. Смазав печенью оленя, два-три или сколько-то дней держишь и затем выделяешь, мнешь, очень долго мнешь, до размягчения. После этого шьешь унты, перчатки такие шьешь».

Верхнеколымские эвены при выделке и обработке шкур пользуются теми же инструментами и материалами, какими пользовались их далекие предки: кочай «скребок (каменный, для выделки шкур)», кэрдэ «кожемялка с зубцами», орын һаканни «печень оленя», һолонь «растение, растущее в горах» и др.

Общеизвестно, что в современном мире культура и образ жизни коренных малочисленных народов Севера подвергаются сильнейшим ассимиляционным и глобализационным процессам, утрачиваются уклад и языки. Однако на основании лингвистического материала, собранного в 2014 году членами экспедиции в Верхнеколымском улусе Якутии, можно утверждать, что эвены следовать своим обрядам и в большинстве случаев сохраняют традиционное хозяйствование и культурные особенности.

Библиографический список

1. Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб : Петербургское востоковедение, 2004.
2. Кузьмина Р. П. Система гласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 12 (90).
3. Попова У. А. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культура эвенов Охотского побережья. 1917–1977. – М. : Издательство «Наука», 1981.
4. Спиридонов Н. И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / сост. А. А. Бурыкин. – Якутск, 2003.
5. Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Лингвистические контакты эвенов Якутии // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 8(24).
6. Шарина С. И. Основные особенности верхнеколымского говора эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 1(10)
7. Шарина С. И. Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1. – ч. I.

**ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ЭТНОГРАФИИ ДЕТСТВА
ФОНДОВ ЛАБОРАТОРИИ «СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ
В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
(ТГУ имени Г.Р. Державина)²**

И. В. Поповичева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. Purpose of publication is to acquaint scientific public with materials, concerning with ethnography of childhood, which is kept in laboratory funds «Contemporary Russian dialect in the system of linguistic culture» (TSU named after G.R. Derzhavin). The article represent by texts-memories of village people in Tambov region as the source of reconstruction of regional traditions, connected with birth, baptism, maturing of children, social and historical conditions of life and adulthood of peasant children during war and post-war time. Materials can be used in generalizing researches, which are connected with national culture, works concerning ethnography of Russian population childhood of the 20th century Russia.

Keywords: ethnography of childhood; texts-memories; peasant children; Tambov region.

Обращение к системе народных традиций, связанных с рождением и воспитанием детей у русских, а также у других народов, живущих на территории Российской Федерации, в последние десятилетия стало популярным. Как показал представленный в работе Г. А. Комаровой обзор публикаций и мероприятий по этнографии детства, интерес исследователей к миру ребенка в национальных культурах сегодня отражают многочисленные статьи, монографии, конференции [1, с. 127–154].

Несмотря на значительные научные достижения в вопросах изучения семиотического пространства «детского» мира в народной культуре, образа жизни и взросления детей в различных культурно-исторических условиях, остается актуальной проблема источниковедческой базы для подобного рода работ. Как правило, в своих исследованиях по данной тематике авторы используют опубликованные (документальные, фольклорные, литературные, статистические, словарно-справочные), архивные и полевые материалы. Введение последних в научный оборот особенно важно по причине быстрого угасания и современной трансформации традиций, ухода из жизни людей старшего поколения, вместе с которыми навсегда уходят из исторической памяти народа важные части национальной культуры.

Цель данного сообщения – познакомить научную общественность с материалами по этнографии детства, записанными в ходе лингвоэтнографических экспедиций по Тамбовской области студентами и преподавате-

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Образ ребенка в социокультурной картине мира русских крестьян» (проект № 13–34–01005).

лями ТГУ имени Г. Р. Державина в период 1994–2014 гг. и хранящимися сегодня в фондах лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» (действующей на базе института филологии указанного вуза).

В качестве предварительного замечания следует отметить, что Тамбовская область считается территорией позднего заселения. Наиболее устойчивым населением на Тамбовщине в прошлом тысячелетии была мордва, подвергшаяся активной ассимиляции с XVII в. Русское население (составляющее по данным Всероссийской переписи 2010 года 97 % жителей области) формировалось здесь преимущественно из центральных и северо-западных уездов Русского государства. По особенностям местных говоров Тамбовская область относится к южнорусскому наречию восточной группы рязанской подгруппы, по этнографическим – к южно-среднерусской зоне. В силу аграрной специфики региона среди населения здесь доминирует крестьянский тип культуры. Поэтому, несмотря на имеющиеся локальные особенности, явления духовной и материальной культуры, фиксируемые на территории области, в целом отражают традиции и мировоззрение русского крестьянства [4].

Имеющиеся в фондах лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» материалы по этнографии детства по жанру представляют собой тексты-воспоминания старожилов сел Тамбовской области. По содержанию эта тематическая часть фондов может быть разделена на две группы: 1) тексты-воспоминания об обрядах родильно-крестильного цикла, большая часть которых записана в 1994–1997 гг. со слов рассказчиков 1903–1935 гг. р.; 2) тексты-воспоминания о детстве; их авторы преимущественно 1925–1950 гг. р. Тексты записаны в период 2001–2014 гг. и репрезентируют информацию о социально исторических условиях жизни и взросления детей в военное и послевоенное время, о детских играх, забавах, участии детей в обрядовой жизни сельского общества.

Особый информационный блок составляют тексты, в которых рассказывается о детских болезнях, народных способах их лечения.

Все материалы паспортизованы и затранскрибированы. Эта форма записи позволяет отразить фонетические и морфологические особенности тамбовских говоров, обуславливает научно-практическую значимость текстов, которые в этом виде могут быть использованы в учебных курсах по русской диалектологии, в научных работах филологов и этнографов.

Обратимся к обзору текстов из фондов лаборатории.

Как показывают историко-этнографические исследования В. Н. Харузиной, Д. К. Зеленина, К. В. Чистова, Т. А. Листовой, Г. А. Носовой, Т. М. Толстой, А. К. Байбурина, Д. А. Баранова и др., в народных традициях, связанных с рождением, крещением, возмужанием детей, для русского населения России наиболее значимыми были ритуальные действия повитухи с новорожденным, очищение повитухи и роженицы, крещение ребен-

ка, празднование родин, крестин, посещение роженицы и новорожденного родственницами и соседками, обычаи, отмечающие этапы развития ребенка (первый зуб, первый шаг, первая стрижка). Сведения об этих обрядах и обычаях зафиксированы и на территории Тамбовской области. Приведем примеры.

Обряды рождения. [У каво́ питисте́нак был, в го́рницы ни ража́ли. Начну́ца нады́мы, свякро́фь фсех выганя́ла из избы́, ко́ли ле́та, а зимо́й – то мужыки́ са́ми уйду́ть ку́да-нибу́ть, а дитей пасо́дють: «Так, сяди́тя, малчи́тя, ни рызгава́рьвийтя». Кагда́ ро́ды дабре́ до́лга для́цца, пывиту́ха пыдгава́рьвийть каво́-нибу́ть пы-чудно́му аде́ца, штоп рыжани́цу ныпуга́ть. Рыжани́ца ныпуга́ица и врас рызряшы́ца. А́ли пысыла́ить каво́ ф це́ркву варо́та аткры́ть, мали́тву чита́ла. Ны рада́х Быга́ро́дица, Свята́я Кытири́на пымага́ить, Никала́й Уго́дник ско́рый памо́щник, Свято́й Пынтилимо́н. В мали́твах пывиту́ха фсех святы́х на по́мышц заве́ть. Рибёнык ради́ца – пывиту́ха яво́ купа́ить. Ф та́зик плискане́ть те́плинькай вади́чки, а туда́ свято́й. Три ра́за «Быга́ро́дицу...» прычита́ить, ищо́ каки́я мали́твы и нычина́ить рибёнка абмыва́ть: «Как с го́рныва студинца́ вада́, так с младе́нца фся бале́знъ, фся худаба́». Патом пра́вить рибёнка: но́жки, ру́чки, гало́фку вы́тягивыйть. Зывара́чвыли тады́ в мушску́ю руба́ху, штоп взял ацо́фскую сил́у, штоп ате́ц люби́л дитя́.] – Инжавинский р-н; [Кагда́ же́нщина ража́ла, в избе́ о́кна атваря́ли, штоп Бох увида́л му́ки ради́льницы и памо́х ей на му́ках. Рибёнык ради́ца, пывитуха́ яво́ абмо́ить, зывярне́ть и на печ. Смо́трит, штоп пасле́т вы́шыл. Как вы́йдит, ана́ яво́ абмо́ит и харо́нит. Пря́тыли пыд застри́х (нижний слой соломы, покрывающей крышу дома или сарая – И.П.), а зырыва́ть яво́ нильзя́. Э́та фсе́ равно́, што рибёнка пыхырани́ть. Ано́ вить што рибёнык, то и ме́ста (послед – И. П.), как рибёнка биригли́, так и ме́ста.] – Сампурский р-н; [Как ради́ца дитя́, в эт́ат де́нь капы́ца абмыва́ють. Садя́ца фсе за стол, ба́пка пиро́х на стол, ате́ц буты́лку, а дет, быва́л, ска́жыт: «Сла́ва Бо́гу, рыдила́. Што мы хате́ли, то нам Бох и пасла́л»] – Староюрьевский р-н.

Обряды очищения роженицы и повитухи. [У аржани́цы ве́ник был адде́льный. Кагда́ прихади́ли пасля́ ба́ни на тре́тий де́нь – ру́ки рызмыва́ли. Аржани́ца и я (рассказывает повитуха – И. П.) пирит абра́за́ми стынави́лись, ме́жду на́ми крясто́м ве́ник аржани́цы ляжы́т. Ф стыране́ свякры́ с куфшино́м стаи́т. Я чита́ла три ра́за «Быга́ро́дицу», с аржани́цай у Бо́га праше́ние праси́ли. Я брала́ куфшы́н, пылива́ла на́ руки аржани́цы над ве́никам, пасля́ аржани́ца пылива́ла мне, праше́нья праси́ла: «Прасти́, ба́бушка, ты у нас изма́зылась». Абра́щались к абра́зам, кла́ли три пакло́на: «На до́брые здаро́вья». Ве́ник ф пе́чки жжыга́ли. Пасля́ фсяво́ пригла́шали миня́ абеды́ть, дари́ли мне плато́чик, мы́льца, хле́пца, у каво́ што бы́ла, то и дари́ли. Но я ви́жу, што

симья́ бе́дныя, я никагда́ ничаво́ ни вазьму́ дамо́й, и́хним жы де́там одда́м.] – Бондарский р-н.

Посещение роженицы и новорожденного родственницами и соседками. [У нас снаха́ рыдила́. Мы с сёстрыми дыгывари́лись, што з зупко́м пайдём в выскрисе́нье по́сли абе́дни. Вот в выскрисе́нье и пашли́. Пришли́, паздра́вили, зупки́ адда́ли, а свякро́фь уш на стол угаще́ние ста́вить. Пысиде́ли вы́пили, пе́сни да́жа игра́ли, а сама ради́льница за стол ни сади́лась. Ана́ ны крава́ти лижа́ла.] – Кирсановский р-н; [Как узна́ют, што рыдила́, ба́бы к ней с ка́шай спяша́т. Э́та так нызыва́ли «с ка́шай», а нясли́ и ка́шу мало́шнюю, и курёнку заре́жут, кто пырад-не́й, там сястра́, мать аржани́цы, и блинцо́ф ныпяку́ть, мо́жыть, пи-рашко́ф, сале́нья фся́кки нясли́.] – Бондарский р-н.

Обряды крещения. [У миня́ ба́пка По́ля пывива́ла. Пывиту́шка о́чинь хоро́шья была́: грудни́цу зыгава́рьвыла, з згла́зу умыва́ла, каг-да́ дитя́ сла́бья – пыкрясти́ть магла́. Да. Тады́ мно́гих в гаршка́х ксти́ли. Це́ркыфь была́ закры́та. А ф семь лет ба́тюшка кстил. Тады́ бая́лись, што умрёт никрящо́ным. Кагда́ рибёнычка акре́стют, он нахо́дит сабе́ ме́ста ф том ми́ри. Никщо́ный рибёнык уме́рший ни нахо́дит ме́ста нигде́: ни в аду́, ни ны нибиса́х.] – Бондарский р-н; [А чирис три-читы́ри дня нясли́ ф це́ркву – в ве́ру ввади́ть. Мать крёсныя шла. С сабо́й пилёнычку, уте́рник, штоп папу́ дать ру́ки утира́ть. Ра-ди́тили крёсному ащу де́них даю́ть – за кряще́нья запла́тить. Приня-су́ть ис це́ркви и спирва́ны паро́х кладу́ть, пато́м на печ, штоп яво ха-зя́ин при́нял (домовой – И. П.), а на шу́бу, штоп багаты́м был. Абе́т сы-бира́ли. Кто бага́тый, у тех на кристи́нах мно́га наро́ду бы́ла, а кто бе́дный, то кумавьёф угастя́т чем-нябу́ть – и хырашо́.] – Староюрьев-ский р-н; [Аксти́ть быстре́й на́да. Никщо́ные де́ти фсе́ равно́ што ку-со́к мя́са, а пирит Бо́гам так сказа́ть нильзя́. Ис це́ркви приду́ть – ри-бе́нка на пе́рвый паро́х кладу́ть, на афчи́нный тулу́п, пшано́м асы-па́ють, де́нюшки кладу́ть, штоп бага́тым был. Гываря́ть: «Дал Бох ро́ду, дай, Бох, тибе́ пло́ду». Ба́пка з де́дам кумавьёф фстрича́ють кы-рава́им, сажа́ють ф пире́дний у́гал. А как жа – кумавья́ радне́е братьёф. А пато́м уш фсе́ абе́дыть садя́ца.] – Ржаксинский р-н; [Как пакре́стют – абе́т сыбира́ють. А пасля́ абе́да мужыки́ пывиту́ху ф кары́ту сажа́ли и пы́сялу́ ката́ли – людя́м ны пате́ху. А если ле́там, то ищо́ и вadóй абалью́ть, а кто бага́тыи, те сымаго́нам облива́ли.] – Тамбовский р-н; [А чирис ниде́лю ате́ц фсех ро́тствиникаф на ка́шу заве́ть. Тут уш прина-си́ли праду́кты ве́дрыми. И кто де́ньги, кто свива́льник, кто ша́пычку на ка́шу пало́жыть. Кстить ради́тили ни хади́ли. Кум с кумо́й наси́ли дитя́ ф це́ркву. Как при́дут, тут уш их фстрича́ють фсе. Атец бире́ть рибёнка и нясе́ть в и́збу. Пыд ико́нами на ла́фки шу́ба, рибёнка на шу́бу: «Шу́ба лахма́та, живи́, до́чка, бага́та!». Е́сли ма́льчик: «Тулу́п лахма́т, живи́, сын, бага́т!»] – Сампурский р-н; [На кристи́ны ка́шу

во'рють, гаршки' бьют. Быва'ла, узна'ют, што рыдила', спра'шивают у ацца': «Ате'ц, кагда' гаршки' бить бу'дим?» Мать крёсна прино'сить на абе'т ка'шу в гли'нинам гаршке'. Кто ис пшына' вари'л, кто из гричи'хи, но штоп крута'я была'. Туда' изю'м лажы'ли. Кума' прино'сить э'ту ка'шу, а на стол ста'вить ф канце' абе'да. И каак хрясь гаршо'к. А ка'шу прыдаёт. Даёт прям рука'ми. Го'сти далжны' зы ниё плати'ть, штоп сабра'ть де'ньги ны прида'нныя рибёнку.] – Инжавинский р-н.

Обычаи, отмечающие этапы развития ребенка. [Кагда' рибёнык пе'рвый шах zde'лыть, кто уви'дил, далжо'н яму' пу'ту пирире'зать: прывисти' руко'й ме'жду нох: «Хади', ни храма'й, ща'стье дыганя'й!»] – Ржаксинский р-н; [Как крёсныя узна'ит, што у кре'стника зубо'к вы'лис, ана' далжна' зубо'к пысирыбрит'ь – ло'шку пыдари'ть яму'. Кто бага'тый, те сире'бряную ло'шку до'рють, а ра'нышы каку'ю ш там сире'бриную, обыкнаве'нныю падо'рють, и то хырашо'. А вот ле'нтай пачти' фсе аб-вя'звыли. Е'сли ло'шку ма'льчику до'риш, то гылубо'й ле'нтай аб-вя'звыиш, а е'сли де'вычки, то ро'зывай. Ло'шку магли' пыдари'ть и дет з ба'бкай.] – Бондарский р-н; [Гот рибёнку испо'лница, на'дыть задо'к стрич. Ате'ц сажать яво' ны кале'ни и вало'сики сыстрига'ить. Э'ти вало'сики мать сыбира'ить и блюде'ть, штоп у рибёнка гылава' ни бале'ла. А как он ф шко'лу пайдёт, э'ти вало'сики кла'ли на дно су'мки. Гывари'ли, для таво, што'бы яму' уче'нье ле'хчи дава'лась.] – Тамбовский р-н.

Детские болезни, народные способы их лечения. [А када' уш крик ныпадёт, тык ка мне нясу'ть, штоп я рибёнка ф куря'тник снаси'ла. Бирёш рибёнка и нисёш ф куря'тник. Там мали'тву прыизно'сиш над ним: «Три за'ри-зарни'цы, три сястры'-сястри'цы, // Адна' Да'рья, фтара' Ма'рья, трЕ'тья Авирья'нывна, // Вазьми'тя с младе'нца ... (и'мя прыизно'сиш) крик-не'крик, // Атняси'тя ф чи'ста по'ле и аста'фья на прасто'ри». Пирино'сицу пысасёш и плю'ниш три раза чириз ле'вые пliche'. И так три за-ри'.] – Пичаевский р-н; [Е'сли рибёнык бальны'м ныради'ца: суше'ц на нём или младе'нчиския бьёт, ба'бушка-пывиту'шка али да'жы свякры' магла' яво' запе'ч. На хле'бну лапа'ту младе'нчика пало'жуть и ф тёплым печ, пы загне'тки шыг-шыг три ра'за и ма'три аддаю'ть: «Принима'й, мать, дитя', зажа'рили мы бале'знь»] – Бондарский р-н (см. также: [3, с. 269–328]). Считалось, что маленькие дети часто болеют по причине их особой незащищенность от порчи и «дурного глаза». Защитить ребенка от них, по народным представлениям, можно было только «с помощью неукоснительного соблюдения всех правил магической защиты» [2, с. 617] ([Идёш с рибёнкам гуля'ть. Сасе'ди смо'труют на няво', хва'лят. А ты в сто'рыну атайди', языко'м слижы' с яво' лица' и плюнь – зглаз с рибёнка снi'миш. Или падо'лам руба'хи нате'льной лицо' яму' абатри'] – Знаменский р-н).

Обращает на себя внимание, что в текстах-воспоминаниях отражена не только память крестьян о жизни и традициях русской деревни, но си-

стема оценок, убеждений, представлений о жизнеориентирующих оппозициях «хорошо – плохо», «можно – нельзя». Например, бездетность объясняли греховностью супругов или одного из них, обычно женщины: [Кака́я ба́ба как труси́ха: дите́й ка́жний гот ража́ит, а кака́я живёт с му́жым, живёт, а дите́й фсе́ нет, вот и гываря́т пры таку́ю: «Аби́ жыная, Бох дитя́ ни пысыла́ит». А злы́и люд́и ска́жут: «я́лывая», или «пустацве́т», или «ниспасо́бная». <...> Дите́й-та Бох пысыла́ит. Де́ти – э́та дар Бо́жий. В де́фкых нас мно́га дру́жных бы́ла. Фсе́ вме́сти фстрича́лись, гуля́ть хади́ли. Бы́ли сриди́ нас и рызуха́бистыи. Вот адна гуля́ла с быяни́стам, он иё пыматро́сил и бро́сил. Она́ ны фсю жы́знь пуста́я аста́лысь. Бох наказа́л.] – Рассказовский р-н.

Вторую группу текстов составляют воспоминания тамбовских крестьян 1925–1950 гг. р. о своем детстве: [Ну расла́, был́а ма́нинькыя, па́дала ф по́грип, ныпива́лысь там кираси́ну, ду́мыли умру́, но ни уми́рла́ вот, ды сих пор ищо́ живу́. Ф шко́лу хади́ла. Да шко́лы ищо́, ны гаро́дых, карто́шку сажа́ли, пало́ли, про́су се́или, канапли́ се́или, траву́ пало́ли яло́зили. Мать даст зада́нию, вот и по́лишь, травы́ каро́ви нарва́ть на́дыть, бирёски нарва́ть, трава такая, бирёска, каро́ви. Ну вот. Патом ф шко́лу пашла́. Чаты́ри кла́са я ко́нчила, в Бирёзыфки. Там нача́льные была́ шко́ла. Пато́м пашла́ ф Пуша́нина, ф пя́тый клас, я учи́лась пло́ха. Вот ф шасто́й ни пиряшла́, пашла́ апя́ть ф пя́тай. Ф пя́тый пашла́, нас бы́ла две, сястра́ у миня́ ищо́ ста́ршыя, с 1928 года, иё угна́ли в лес, на рызрабо́тку. Мы с ма́тирей аста́лись до́ма, у ниё случи́лси при́ступ, ка́минь ф почках, иё сасе́тка но́чью увязла́ в бальни́цу, а у нас ва́линки бы́ли адни́ ны траи́х. Иё увязли́ в бальни́цу и ва́линки аста́лись с ней там, в бальни́цы. Ну и фсе́, и шко́ла мая аста́лась. Я ла́пти, сала́ски и на Лы́су го́ру зы драва́ми, драва́ вази́ла. Во́пщим я читы́ри кла́са то́лька ко́нчила и фсе́. Сястру́ заву́ть Евдаки́я. Ну ва што ади́ва́лись, как и фсе, вот пла́тья. Штаны́ ни наси́ли. Я ф пе́рвый клас ф пе́рвый день пашла́ да́же бис штано́ф. Ва́пще́ бис штано́ф пашла́, ф пла́тьи то́лька. И убе́гла, ис шко́лы убе́гла, там у нас бы́ли кана́вы, я ф кана́ви спря́тылась. Мать у нас была́ стро́гая, гляжу́, ани́ с учи́тельницай хо́дють миня́ и́щут, вот. Су́мкаф у миня́ не́ бы́ла, ф плато́к кни́шки бирём, вот так вот кря́стом завя́жым и пашли́. Вот така́я су́мка была́. В мяч игра́ли. Э́та у нас у́лица шыро́кыя там была́, в лапту́ там игра́ли, и уш ни по́мню ящо́ ва што.] – Моршанский р-н.; [Тапе́рьч, пашо́л я када́ ф шко́лу, ни йи́сть, ни абу́ть, ни аде́ть, сйидА́л вошь. Вот, пашо́л ф шко́лу, там плака́т напи́сали «Борись за дело Ленина и Сталина». А я ду́мал, миня́ звать Бари́сам, эт чо эт я заде́л Ста́лина и Ле́нина, я ни зыдив́ал их. И ф шко́лу ни пашо́л на сле́дущий день, пла́кать взилси́, мать миня́ вади́ла к учи́тельницы: «Вы чаво́ ныписа́ли плака́т вот «Борис... задел Ленина и Сталина»» – «Ды эт «Борись за дело...», – учи́тельница О́льга Питро́вна и гывари́т, –

а ни то, што Борис». А я ду́мал миня́ э́та каса́ица. И с э́тих пор стал хади́ть ф шко́лу и сы фтаро́ва кла́са на́чал зыраба́тывать сибе́ на жы́знь. Атучу́ся – и к о́ччиму бигу́ ф патпа́ски, пымага́ю пасти́ каро́ф хазя́йских. А ле́там пато́м уш́ ф тре́тим класи́ выдаво́зам стал ф тра́ктырным атря́ди. Па два́цать бо́чкаф ис кало́ца вады́ ток адно́й вы-та́скывал, на ло́шыди вази́л ф паля́ и трыктари́стам ста́вил ны уча́стки, ф каду́шки слива́л во́ду. Тракта́ра бы́ли фсе разби́тии пасля́ вайны́. Вот да те́мнай но́чи там я. А у́трам апя́ть фстаю́, на́да сыби-ра́ть мишо́чки трыктари́стам ф ка́ждый дом, эт три киламе́тра. Ра-бо́тыли не́кытырыи трыктари́сты ф силе́ Фиду́лафка. Ска́чу туда́ глу-по́й рибёнык, сыбира́ю мишо́чки им. А атту́да тыраплю́сь: мне папа́сть к пика́ркам. Пика́рки пикли́ свай́ хле́бы на атря́ды, там я зна́ю, мне припадёт ко́рычка. Пака́ таска́ю э́тыт хлеп, пика́рки не́кагда. А па-то́м ана́ ска́жит: «Пыгади́-пыгади́!» И мне атре́жит с килагра́м. Я в мишо́чик, ага, ма́мки, систрёнки хва́тит на́ динь. А сам пака́ визу́, ду́мью: «Я в Заща́бринки пае́м». Как прии́жаю ф склат клыдафщи́к ска́жит: «Бори́с, стаска́й хлеп». Стаска́ю, гляди́шь, он мне с пы́л-кила атре́жит: «На, пряч». Я спря́чу ф су́мычку. Вот зы килагра́м хле́ба я и рабо́тал. Вот тако́й мой был трут. А када́ уш́ ко́нчил читы́ри кла́са, я тут уш́ на́чал вази́ть на ко́нный двор карма́. И зи́мы и ле́та е́здил зы карма́ми, лышаде́й карма́л. Ат камба́йнаф атвази́л, прице́пщикым был. Ну пато́м уш́ ришы́л стать трыктари́стам. Стал трыктари́стам. 15 лет мне бы́ло – я школу́ миханиза́цыи ако́нчил и в 16 лет стал я трыкта-ри́стам.] – Пензенская обл., Белинский р-н (записано в с. Кукарки, распо-ложенном на границе с Тамбовской обл.).

В текстах подобного содержания воссозданы реальные условия жизни крестьянских детей в военное и послевоенное время, их более раннее, чем у современных подростков, социальное взросление, участие в трудовой жизни семьи и деревенского общества, нравственные ориентиры крестьянского социума: послушание старшим, забота о младших, семейственность, трудолюбие.

Как известно, неотъемлемой частью жизни детей является игровая деятельность (см., например: [5, с. 8]). Поэтому естественно, что в своих воспоминаниях рассказчики часто упоминают об играх, предметах игр и забав своего детства: [Игра́ли, игра́ли в каки́е-та мячи́, ката́ли. <...> Ой, чо́-та де́лали, каки́е-та ку́клы, из залы́: зо́лу намо́чат, набиру́т в тря́пычку, и сде́лаиш её, как эту, как гало́фку. А шы́ли-та ис тря́пкаф. Как и все де́ти, игра́ть хате́лась. Шы́ли сибе́ ку́клаф из тря́пычкаф] – Моршанский р-н.

Воспоминания о детской одежде, игрушках в большинстве рассказов эксплицируют тему бедности: [Тады́ бе́дна жы́ли, пилёнак ны́ была, как щас, дите́й зывара́чивыли в руба́хи мужы́чьи, ста́рыи. Эт ишо́, гаваря́ть, для таво́, што́бы ате́ц люби́л]. – Тамбовская обл., Бондарский р-

н.; [Игрушки каки́я бы́ли? Никаки́я. Чо-нибу́ть зде́лаим вон ис па́лки, како́й-нить клюк, чаво́ ли, а бо́льши не́ была никаки́х игру́шкаф. Эт щас, ма́и дараги́и де́тища, ста́ла фсе́, а тада́ ничаво́ не́ бы́ла, вот. Ку́кал шы́ли, са́ми, да, шы́ли, ага́, и с рука́ми, и с нага́ми шы́ли ку́кал, из энти́х вот из тря́пкаф, тряпи́чныи, вот.] – Моршанский р-н.

Вместе с тем информанты часто отмечают, что раньше жизнь в деревне была веселее, а сельчане были дружнее: [Де́тства мая́ о́чинь бальша́я. Мы гурьбо́й расли́. Тро́я дате́й-та нас бы́ла. Хто ны пала́ти спал, хто на пе́чки спа́ли. Ма́линькия в зыбачки спа́ли, и кача́ли их тама. Игру́шки – эт вот ка́мушки ныбира́ли па пять штук. Ны сала́сках зимо́й ката́лися. Йицо́ нам сво́рют – мы идём ра́дысныи. Ды фсе дру́жнее бы́ли, сусе́ди друх за дру́шку. И́дут на рабо́ту с пе́сней: «И-И-И!» Ни- и хто никагда́ ни сказа́л гру́бава сло́ва ни ны каво́.] – Умётский р-н.

Ряд текстов содержит информацию об участии детей и подростков в рождественских обходах домов, масленичных обрядах, свадебных, в ритуалах заклинания весны: [Ф саче́льник рибя́та, ма́льчики выснавно́м, пы двара́м хади́ли: «Ма́линький ма́льчик сел ны стака́нчик, // Стака́нчик – хруп, дава́й рупь». Блинцы́ даю́т, де́ньги.] – Мичуринский р-н; [На сва́дьби, как к винцу́ иди́ть, няве́сти ны кале́ни ма́льчика сажа́ют, штоп пе́рвым был ма́льчик.] – Уваровский р-н.

Экспедиционные материалы уникальны в силу своей единичности. Тексты-воспоминания старожилов русских деревень могут быть использованы в обобщающих исследованиях по национальной культуре как важный дополнительный источник информации, а в работах по изучению региональных традиций – нередко и как единственный. Важность их фиксирования и введения в источниковедческую базу, доступную для научной общественности, несомненна.

Библиографический список

1. Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. – М. : ИЭА РАН, 2014.
2. Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. – М. : Наука, 2001. – С. 575–660.
3. Лоскутова Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области : дисс. канд. филол. наук. – Тамбов, 2010.
4. Поповичева И. В. Социализирующая функция крестьянских обрядов родильно-крестильного цикла (на материале тамбовских традиций) // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 8 (136). – С. 82–91.
5. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зими́на Т. А. и др. – СПб. : Искусство, 2006.

«ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ»: О КРИЗИСЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ф. Ф. Саетгалиева

*Кандидат философских наук, доцент,
Казанский государственный аграрный
университет, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article discusses the difficulties of social identity of immigrants from Central Asia. It is noted that if the former place of residence they experienced an identity crisis, feeling like «strangers among strangers», then return to their historical homeland, this crisis is not overcome, and transformed in a new crisis: «aliens among us».

Keywords: immigrants; sociocultural differences; adaptation; identity crisis.

С распадом СССР существовавшая в течение семидесяти лет идентификационная матрица «советский человек» в одночасье рухнула, и на первый план вышла этническая идентичность. Русскоязычное население Средней Азии, до этого времени занимавшее ключевые посты во всех сферах экономики региона, почувствовало себя людьми «второго сорта», под угрозой оказалась их этнокультурная идентичность. Переезд в Россию рассматривался ими как возможность восстановить позитивную социальную идентичность, удовлетворить потребность в самоуважении и самоактуализации, которые оказались фрустрированными на прежнем месте жительства.

Опыт Израиля, Германии свидетельствует: с возвращением представителей коренного этноса национальная идентичность, как правило, укрепляется. Эти страны тратят огромные средства, чтобы обустроить и адаптировать своих переселенцев, и успешная адаптация мигрантов способствует быстрому и безболезненному реконструированию идентичности.

Возвращаясь в Россию, русские азиаты, в большинстве своем высококвалифицированные специалисты, рассчитывали на теплый прием, заботу со стороны родины-матери. Однако большинство ожиданий мигрантов после переезда в Россию не оправдались: раздираемая внутренними противоречиями, Россия оказалась не готова к приему такого огромного числа соотечественников. Таким образом, в отличие от Израиля, Германии, в России возвратная миграция носила стихийный, неупорядоченный характер: абсолютное большинство соотечественников возвращалось самостоятельно, без каких-либо компенсаций и помощи со стороны государства.

Тем не менее в России существуют благоприятные объективные обстоятельства, способствующие нарастанию идентичности русскоязычных переселенцев с коренными россиянами.

Во-первых, это факт возвращения русскоязычных переселенцев на свою историческую родину; во-вторых, единая расовая и этническая принадлежность; в-третьих, проживание до 1991 года в одном социально-

политическом пространстве – СССР; в-четвертых, совместная работа на одних и тех же предприятиях при одинаковых условиях труда и оплаты; наконец, единая языковая среда, однозначно связанная с русским языком. Эти перечисленные факторы создают объективную основу идентификации русскоязычных переселенцев с коренными россиянами.

Однако наличие благоприятных объективных обстоятельств оказалось недостаточным фактором для идентификации – обнаружились глубокие социокультурные различия между среднеазиатскими русскими и коренными россиянами.

Длительное проживание в Средней Азии изменило даже антропологический облик славянских народов: под палящим южным солнцем они смуглели, у них как бы разрастались кости лица. После переезда обнаружились также «особенности психологии, воспитания, образования, привычек, способа общения с людьми...» [2]. Так, при разговоре русский азиат по-восточному растягивает слова, цокает языком при выражении сильных эмоций; его отличает восточная вежливость в повседневном общении и, конечно же, непроизвольное прикладывание ладони к груди/животу при встрече, прощании и изъяснении благодарности. Приехав в Россию, он с удивлением взирает на то, как российские горожане ходят по улицам с бутылками пива в руках, держа их так же непринужденно, как сигарету; мирную беседу скрепляют крепким матом, а в общественном транспорте не уступают место старикам.

Как переселенцы, так и коренные россияне оценивают друг друга в соответствии со своими стереотипами сознания, что порождает конфликт взаимного неприятия обеих сторон. Конфликт стереотипов страны исхода и страны переезда, пусть даже исторической родины, мешает успешной адаптации переселенцев, продлевает ее сроки.

На успешность адаптации переселенцев влияет тип поселения: «компактный (среди таких же переселенцев) или дисперсный (среди местных жителей), а также – городская или сельская местность» [3]. Быстрее всего адаптируются переселенцы в крупных городах при дисперсном типе проживания. Это, как правило, высококвалифицированные специалисты, устроившиеся на крупных промышленных предприятиях, в вузах, имеющих свой жилищный фонд. Получив жилье по месту работы, они стремятся к самоактуализации, которая предполагает удовлетворенность профессиональной деятельностью, материальными условиями жизни, обретение смысла жизни и оптимистические планы на будущее. Так же сравнительно быстро адаптировались предприимчивые переселенцы, сумевшие приобрести жилье на собственные средства. Успешное ведение мелкого и среднего бизнеса на новом месте предполагает установление широких контактов с местным населением, что способствует их быстрой интеграции в местное сообщество. К настоящему времени более половины переселенцев считают, что они полностью адаптировались на новом месте жительства [1].

Сложнее идет процесс адаптации у переселенцев, избравших компактный тип поселения и сельскую местность. Из-за отсутствия работы по специальности переселенцы-бывшие горожане вынуждены выполнять неквалифицированную работу (преподаватель вуза работает уборщицей, инженер - скотником), что приводит к снижению их социального статуса и замедляет адаптацию. Кроме материальных проблем, в сельской местности возникают проблемы психологического плана, вызванные наличием социокультурного барьера между переселенцами и местными сельскими жителями. «Нам очень трудно находить контакт с местными жителями, – признаются переселенцы. Те, кто у нас в Таджикистане считались пьяницами, на фоне местного населения кажутся просто трезвенниками. Мы боимся отдавать своих детей в детский сад – все их сверстники ругаются матом» [4]. Анализ причин имеющихся социокультурных различий был дан нами в отдельной статье [5].

Так же остро кризис социальной идентичности переживается переселенцами при компактном типе поселения. У них меньше объективных возможностей для решения как материальных (трудоустройство, жилье) проблем, так и проблем психологического плана, связанных с преодолением межкультурного барьера с местными жителями.

Осознание своих различий с местным русским населением наносит самосознанию русских переселенцев тяжелейшую травму, вызывает у них «культурный шок», практически в той же степени, как у иностранцев, несмотря на то, что они вернулись на свою историческую родину. Если на прежнем месте жительства они переживали кризис идентичности, ощущая себя «чужими среди чужих», то с возвращением на историческую родину этот кризис не преодолевается, а трансформируется в новый кризис: «чужие среди своих».

До сих пор отсутствует адекватное законодательство, а принятая государственная программа переселения носит технократический характер и не преследует цели оказания помощи вынужденным переселенцам в плане психологической адаптации и социальной поддержки. Это означает, что оставшаяся часть до сих пор не обустроившихся переселенцев еще долго будут переживать кризис идентичности, оставаясь в положении «чужие среди своих».

Библиографический список

1. Бритвина И. Б. Идентичность вынужденных мигрантов и россиян как фактор успешной адаптации переселенцев в нашей стране // URL: <http://discourse-rm.ur.ru/avtor5/britvinaib.php>. (Дата обращения 30.08.2015).
2. Волос А. Г. Душанбинцы всех стран // URL: http://dushanbe1.narod.ru/_chronicle/volos.html. (Дата обращения 30.08.2015).
3. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в России : автореф. дис... д-ра психол. н. – М., 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/> (Дата обращения 30.08.2015).

4. Ротарь И. Чужие русские /СНГ/ Независимая газета.-06.06.2001 URL:http://www.ng.ru/cis/2001-06.06/5_russian.html/ (Дата обращения 30.08.2015)
5. Саетталиева Ф. Ф. «Другие русские»: о социокультурных особенностях репатриантов из Средней Азии // Sociosphere in the modern word: current problems and aspects of humanitarian comprehension : materials of the international scientific conference on May 7–8, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – P. 19–22.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ФРАНКО-РУССКИЙ МИР А. ТРУАЙЯ

Т. Л. Черноситова
Ю. С. Сулейманова

*Кандидат социологических наук, доцент,
магистрант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The problem of a ethno-, social and linguo-cultural identity in literary work arises at the translingual writer in a case when in its micro- and macro social strata coexist two languages and two cultures in their unity, a mutually interference and convergence which is possible in a bilingual situation only. The same rule applies to Henri Troyat, the French author born in Russian-speaking space, but writing their works about Russian history in French. His Russian cycle of novels «La lumière des justes» with detailed description of the Russian ceremonies and traditions, requiring the use of various ways of an explication manifests his own ethno-, social and linguo-cultural identity as a eminent mediator of intercultural interaction.

Keywords: ethno-; social and linguo-cultural identity; literary work; translingual writer.

Этнолингвосоциокультурная идентичность личности особенно ярко проявляется в условиях проживания в мультилингвальных и, соответственно, мультикультурных странах. Однако существование в исторически моноязычной и монокультурной Франции ставило и ставит перед писателем-иностранцем вопрос об этнолингвосоциокультурной самоидентификации как творческой личности, что особенно наглядно проявляется в произведениях писателей-транслингов.

Одним из наиболее ярких примеров этнолингвосоциокультурной идентичности является творчество знаменитого французского писателя-транслинга русского происхождения Анри Труайя (Льва Тарасова). В связи с этим, приступая к рассмотрению его творческого наследия, нельзя обойти вниманием бикультурность и бивалентность литературных пристрастий этого великого французского писателя русского происхождения.

Литературные корни Анри Труайя носят двойственный характер, аккумулируя в себе две совершенно разные картины мира: в А.Труайя гармонично сосуществуют две культуры, две литературы, две истории – русская и французская. Книги, которые он прочитал ребенком, в России, были

те же что и в библиотеке французских детей, поэтому в его мире французские «*Les Malheurs de Sophie*», «*Un bon petit diable*», «*Bécassine*» и др. прекрасно уживаются с русскими сказками с их героями – Бабой Ягой, Коньком-Горбунком и Кощеем Бессмертным. Приехав во Францию, он бегло говорил на русском языке, но читал с большим трудом. Чтобы исправить эту погрешность, родители решили каждый вечер читать всей семьей русские книги вслух, о чем с огромной любовью вспоминал Анри Труайя. Первой русской книгой, которую он прочитал во Франции, была «Война и Мир» Л. Н. Толстого. Уставшего читать мальчика сменяли отец или мать. Эти литературные вечера часто затягивались до поздней ночи и, засыпая, будущий А. Труайя представлял себе прочитанные сцены. По воспоминаниям писателя, призраки Наташи Ростовской, Пьера Безухова, князя Андрея и Марии Болконской часто посещали их скромную парижскую квартиру.

Прочитав все произведения Л. Н. Толстого, он набросился на стихи А. С. Пушкина, сдержанная музыка которых приводила его в восторг. С не меньшим энтузиазмом он приступил к «Мертвым Душам» Н. В. Гоголя, романам Ф. М. Достоевского, рассказам А. П. Чехова. Так, постепенно, с замиранием сердца, он открывал для себя мир великой русской литературы, ощущая «*un accord fraternel avec quelque chose de plus profond en lui*» [6, с. 34]. Его сердце сильно билось во время чтения произведений русских писателей. Параллельно, он вздохнул читал французских авторов: Бальзака, Стендаля, Флобера, Гюго. С детства для Анри Труайя эти два чудесных типа мировой литературы, русской и французской, представляли собой «*deux fleuves*», которые сливались воедино, образуя «*une seule coulée, puissante et large*» [6, с. 34]. В своей автобиографии «*Un si long chemin*» романист описывает свои «лингвокультурные» мучения: мальчик не мог объяснить своей русской семье «*ce qu'il y avait d'admirable, d'intraduisible dans telle phrase de Flaubert*» и втолковать своим французским друзьям, почему такой-то стих Пушкина «*faisait monter les larmes aux yeux*» [6, с. 40].

Любовь к французской поэзии у лицеиста А. Труайя проявлялась при выполнении домашних заданий по французскому языку, – он писал их в стихах, и преподаватели всегда поощряли юношу. Он перестал писать стихи, когда увлекся философией. Еще в юности, будущий писатель нашел превосходный метод, чтобы «*se forger un style*» [6, с. 37] – он громко читал отрывки из произведения Флобера и Стендаля, затем записывал их по памяти, и развлекался, сравнивая свой текст с оригиналом. Кстати, этим способом тренировки письменной речи пользуются многие писатели.

Окружение, газеты, книги, музыка, разговоры, размышления о русской и французской классической литературе, – все ритмы жизни формируют картину мира и художественный стиль будущего писателя Анри Труайя. Он, воспитанный в двух языках и двух культурах, выбирает языком литературно-художественного творчества французский язык и упорно ра-

ботает над созданием своего литературного стиля, уходя от русских лексико-грамматических и стилистических форм.

Анри Труайя родился в России, а жил во Франции, был действительно французским писателем, но в его душе всегда была Россия. Творить за пределами отечества – тяжелое испытание, через которое прошли многие русские писатели-эмигранты начала XX века, среди которых И. А. Бунин, А. М. Ремизов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. С. Шмелев и др. А. Труайя не понаслышке знал, какие творческие и бытовые проблемы испытывали эти авторы. Они лишились своих верных читателей, и, как писал А. Труайя, очень страдали *«d'être privés des horizons russes, des foules russes, des nuages russes, des conversations russes qui les baignaient comme l'eau un nageur. Comment écrire quand la langue maternelle n'imprègne pas l'air autour de vous?»* [6, с. 38]. Французские издатели не хотели публиковать переводы русских произведений. Только члены немногочисленного эмигрантского кружка «Святая Россия» читали их рукописи, и присутствие этого весьма ограниченного круга читателей было, по сути, единственным, что давало стимул к дальнейшему литературному творчеству. Русские писатели во Франции были и чувствовали себя изгнанниками, как, впрочем, и семья Тарасовых. Именно поэтому устами одного из своих персонажей Анри Труайя с горечью говорит: *«Notre Russie se compose d'environ un million d'émigrés, disséminés aux quatre coins du monde, et, qui, tous, se souviennent...»* [6, с. 53].

Единственным местом, где продолжал витать дух русской культуры, стала «русская колония». Следует заметить, что с 1919 по 1925 почти миллион русских вынуждены были покинуть страну и поселиться за границей, из них примерно 150000 остались во Франции. «Русская колония» являлась центром для всех русских во Франции. Эмигранты надеялись возобновить контакт со своей страной, оживить свои легкие *«d'un air nourricier»* [6, с.49]. По сути, общение с русскими колонистами стало единственным способом оставаться русским во Франции.

Массовая эмиграция русских во Францию началась в конце XIX века и была связана с прибытием русского царя Александра I в Париж и последовавшими событиями. Это была так называемая «первая волна» эмиграции. «Вторая волна» принесла во Францию людей, сбежавших от большевистской революции 1917 года. Конечно, обе волны эмиграции нашли свое отражение в произведениях Анри Труайя. Сразу же после демобилизации в 1940 году писатель, вдохновленный воспоминаниями своих родных и близких, начинает работу над первым циклом «русских романов» – *«Tant que la terre durera»*, *«Le Sac et la Cendre»*, *«Étrangers sur la Terre»*. В этих романах, охватывающих период от Первой мировой войны, детально, шаг за шагом представлена история русской семьи, с ее надеждами и разочарованиями, сквозь призму Октябрьской революции 1917 года и долгих лет изгнания.

В начале XX века во Францию хлынули сотни тысяч русских эмигрантов, создав к двадцатым годам в Париже «русскую колонию», куда входили не только многочисленные представители политического мира, деловых кругов, банков, промышленности, но и люди творческих профессий – писатели и художники, словом, все те, кто пережил и тяжелый революционный период, и гражданскую войну в России.

Почти все эмигранты находятся в полной нищете – все состояние они либо оставили в России, либо утратили по дороге в ссылку. Тяжелые условия жизни, особенно в начале обоснования во Франции, ставят многих на грань выживания. Профессиональной деятельности препятствует статус апатрида. Эмигранты объединяются в организации, чтобы поддерживать контакты и распространять свое культурное наследие. Этими организациями становятся вначале Церковь, затем школа и, наконец, многочисленные русские эмигрантские издания. Все это позволяет образовать настоящую лингвокультурную общность и говорить отныне не о «русских в ссылке», а о «России в ссылке», т.е. о целой стране, которая образует свою колонию во Франции и с нетерпением ожидает возвращения на родину. Образ этой «России в ссылке» часто встречается в романтических произведениях Анри Труайя.

Многим русским, покинувшим свою страну, удастся привыкнуть к жизни во Франции. Нужно только найти русскую церковь с православным священником. Очевидно, что для многих русских церковь становится *«un lieu de réunion nationale qu'un temple dédié à la gloire de Dieu»* [6, с. 91]. Эмигранты сюда приходят скорее за новостями, а не для того, чтобы помолиться. Православная церковь Святого Александра Невского в Париже на улице Дарю становится русским островком во Франции, таким *«miragerusse»* [6, с. 88]. По воспоминаниям А. Труайя, достаточно было переступить порог этой церкви, чтобы *«se croire revenu en Russie»* [6, с. 87].

Сын русских эмигрантов, попавший ребенком во Францию, первый иностранец – член Французской Академии, великий французский писатель-транслингв русского происхождения А. Труайя посредством своей героини француженки Sophie Ozareff, вышедшей замуж за русского дворянина, становится медиатором двух великих культур, ищет и находит тот самый лингвокультурный компромисс, который объединяет русских и французов, делая все возможное для *«ce rapprochement de deux peuples»* [4, с. 93]. Свою посредническую миссию писатель формулирует репликой француженки Delphine, предлагающей Софи создать в Париже франко-русский салон: *«Vos attaches avec la Russie d'une part, avec la France de l'autre, vous désignent tout naturellement pour un rôle de médiation entre ces deux mondes»* [4, с. 105], на что Sophie Ozareff соглашается, чувствуя, что способна *«d'expliquer la Russie aux Français»* [4, с. 108].

«Русская тема», пронизывавшая все творчество писателя-транслинга А. Труайя, разворачивалась не только в многочисленных и де-

тальных описаниях русской культуры с помощью различных лингвокультурем, которые требовали от писателя прибегнуть к различным способам экспликации на французском языке того, что определяло его этнокультурную идентичность – обрядов и традиций, вербальных особенностей русского крестьянства и пр. Обретя в литературно-художественном творчестве гармоничное этнолингвосоциокультурное равновесие, А. Труайя устами своей героини-француженки декларирует выбранную им социальную позицию медиатора двух великих культур – русской и французской. Это он, встретив русских или услышав славянский акцент, испытывал «*une sorte de tranquillité morale*» [4, с. 111]. «*Chaque moquerie, chaque injure dirigée contre la Russie*» [4, с. 142] глубоко ранит и возмущает не только Sophie Ozareff, но в первую очередь и его самого.

Определенный интерес представляет то, как воспитанный в православии, но живущий в католической стране пытается примирить (прежде всего, в своем сознании) два вероисповедания – католическое и православное. И хотя в одном из своих интервью на вопрос журналистов «*Croyez-vous en Dieu?*» А. Труайя отвечает: «*Oui, mais en dehors de toute religion*» [3, с. 3], в своих «русских фресках» автор удивительно тонко показывает, что земля одна для всех. Так, в романе «*Le Moskovite*» католический священник, аббат Сюрюг, отпевает господина де Круре, которого похоронят на следующий день не на родовом кладбище Лазаревых, а в саду около дома Березниковых, где он провел последние годы своей жизни. При этом на могиле католика будет поставлен русский крест, «*à deux croisillons, l'inférieur étant oblique*» [5, с. 32]. Церемония похорон господина де Круре символически отражает имеющиеся противоречия между двумя странами. Предубеждения русских слуг, Карпа и Марфы, не совместимы с этим «католико-православным» религиозным соглашением. При виде священника-иноверца они смущены и растерянны, с ужасом рассматривают духовное лицо, как если бы «*il seurent ouvert la porte à l'envoyé du diable*» [5, с. 33]. Марфа ищет взглядом икону, и, не найдя ее, крестится на окно «*pour conjurer le mauvais sort*» [5, с. 40]. После обряда погребения домовое кладбище пустеет, и только могильные кресты, католический и православный, в саду Березниковых позволяют понять, кто где упокоился с миром [5, с. 44].

Французский писатель-транслингв русского происхождения Анри Труайя, идеальный представитель бикультурного монолингвизма умеет удивительно точно распознать и объяснить то, что происходит в сердце и уме его персонажей, русских или французов, принадлежащих по различным причинам этому «*monde-frontière*» [5, с. 65]. По его мнению, этот франко-русский мир, такой непрочный и удивительный, уничтожает географические препятствия, обогащает мышление и чувства персонажей, служит сближению обоих народов, обеих культур и даже обеих религий, православной и католической [5, с. 73].

Анри Труайя убежден, что очарование русской души формировалось на протяжении веков, и потому производит неотразимое впечатление на любого представителя иного лингвокультурного сообщества. Описывая собственный русский внутренний мир, который, по сути, определил его бикультурализм, в своих интервью романист неоднократно отмечал *«le caractère russe, la naïveté et la spontanéité de son âme»* [6, с. 150]. Весь «русский цикл» романов А. Труайя содержит множество авторских замечаний, подтверждающих специфику русского мышления и особое положение России: *«Nul étranger ne pouvait comprendre ce pays, difficile à saisir»; «Oui, la Russie était un pays à part, le meilleur de tous peut-être, et que nul étranger ne pouvait comprendre. Même les apparentes erreurs de ce peuple exceptionnel contribuaient à sa grandeur»* [6, с. 172].

Франко-русский мир Анри Труайя, его особенная, двойная картина мира сквозь призму этнической (русской) и инкультурированной творческой судьбы, в полной мере отражающая этнолингвосоциокультурную идентичность писателя, являются характерными чертами его творчества.

Библиографический список

1. Черноситова Т. Л. Коммуникативная компетентность и толерантность. – // Материалы Международной научно-практической конференции «Власть, право, толерантность». – Краснодар : КЮА, 2004. – С. 21–25.
2. Черноситова Т. Л. Поэтический перевод как особый феномен интерлингвосоциокультурной коммуникации. //Материали за 9-а международна научна практична конференция, «Новината за напреднали наука», - 2013. Том 29. Филологични науки. София. «Бял ГРАД-БГ» ООД – 104 с. – С. 40–45.
3. Ganne G. La minute de vérité d'Henri Troyat. – Les Nouvelles littéraires, № 1886, 24 octobre 1963. – p. 3.
4. Troyat H. La lumière des justes. Sophie ou la Fin des combats. – Paris : Flammarion, 1976. – pp. 29–241.
5. Troyat H. Le Moscovite. – Paris : J'ai lu, 1974. – pp. 5–243.
6. Troyat H. Un si long chemin. Paris : Flammarion, 1976. – pp. 34–98.

III. FORMATION OF ETHNIC IDENTITY AND TOLERANCE

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОПОНИМАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СВОИХ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ У АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ³

А. С. Берберян

*Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет,
г. Ереван, Армения*

Summary. We conducted a study within the analyses of self-understanding of ethnocultural identity, which was to determine self-understanding of ethnocultural identity of Armenian youth, the representatives of Armenian ethnic group in Armenia. We found a correlation between the self-perception of the individual in ethnic group, his intentions about the prospects for their future life in Armenia and the types of self-interpretation.

Keywords: self-understanding; ethno-cultural identity; self-interpretation; Armenian youth.

В конце XX века в условиях глобализации возникают процессы, вызванные осознанием национальной идентичности, которые в значительной степени обусловлены психологической реакцией на неопределенность в социальной среде. В связи с этим у исследователей возрастает интерес к вопросам, связанным с понятиями: идентичность, самоидентификация, самопонимание. На первый план начинают выступать устойчивые групповые структуры с атрибутами социального причисления, этнические в том числе, а самоидентификация актуализируется как важнейший компонент национального самосознания личности [3; 5; 6].

В современной научной литературе вопрос об идентичности современного общества постепенно становится центральным. Проблема поиска ответа на вопрос «Кто Я?», поиска личностью, группой, обществом этнической идентичности становится одной из актуальных проблем в современной психологии. Проблема этнической идентичности для исследователей неоднозначна в своем толковании. При изучении проблемы идентичности исследователи основываются на концепциях Э. Эриксона, Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Огромный вклад в разработку проблемы этнической идентичности внесли психологи Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец, Л. М. Дробижева и др. Э. Эриксон опре-

³ Статья подготовлена при поддержке ГКН МОН РА в рамках научного проекта № SCS. Шифр – 13RF-013 – «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)».

делял идентичность как важное условие для сохранения здоровья индивида, его стабильности и внутренней целостности. В рамках современной теории потребность в этнической идентичности определяется значительно шире, чем принадлежность к какой-либо группе или общности [4]. Потребность в идентичности является «в действительности потребность во множественной интегрированности идентичности» (Р. Рубинштейн), связанная с осмыслением историко-психологического опыта нации, что и определяет фундаментальность научного исследования данной проблемы. В данных исследованиях четко представлена теоретико-методологическая база, проводится глубокий анализ процессов этнической идентичности. Однако за рамками исследования остается выявление самопонимания личностью своей принадлежности к этнической группе. Интерпретация особенностей этноидентичности зависит не только от характеристик социальной группы, от взаимодействий между ее членами, но и от представлений индивида, осмысления ими своей «причастности» к конкретной группе [1; 2].

В рамках изучения особенностей самопонимания этнокультурной идентичности было проведено исследование, целью которого является выявление особенностей самопонимания этнокультурной идентичности армянской молодежи.

Описание выборки и процедуры исследования. Эмпирическое исследование было проведено со студенческой молодежью армянских вузов, представителей армянского этноса в Армении, общим количеством 135 человек, из которых 51,8 % составляют юноши, 48,2 % – девушки. Характеристики выборки: все респонденты – коренные жители Армении, постоянно проживающие в Армении, по национальности армяне, чей родной язык – армянский. Возраст респондентов – от 18 до 25 лет, из которых 51,8 % составляют респонденты от 18 до 20 лет и 48,2 % – это студенты от 21 до 25 лет. Средний возраст исследуемых – 20,68 лет. Соотношение столичных и региональных жителей: из общего числа респондентов 51,8 % – это жители столицы, 48,2 % – жители регионов. Семейное положение: из общего числа исследуемых 85,6 % составляют неженатые, а 14,4 % – женатые люди. Профессиональная область знаний: из общего числа исследуемых 86,3 % изучают гуманитарные, 13,7 % – точные науки. Год обучения: из общего числа студентов 82 % составляют студенты бакалавриата, 18 % – это студенты магистратуры. В выборке представлены студенты Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна – 68,3 %, 20,9 % – это студенты Ереванского государственного университета, 5 % – это студенты Армянского государственного инженерного университета, 2,9 % – это студенты Национального аграрного университета, 0,7 % – студенты Французского университета в Армении, 0,7 % – студенты частных вузов, 0,7 % – Ереванского государственного медицинского университета им. Мх. Герацци.

Методы исследования: анкетирование и тестирование. На первом этапе психодиагностического исследования, для определения исследуемой подгруппы из общего числа респондентов, был использован метод анкетирования. Респонденты заполняли опросник, в который были включены три вопроса, затрагивающие следующие темы: 1) чувство комфорта и удовлетворенности от проживания в Армении, 2) желание или нежелание покинуть страну, 3) причины эмиграции. Опросник был закрытого типа, респондентам предлагались варианты ответов. Ниже приводятся вопросы и варианты ответов: 1. Ваши ощущения от проживания в Армении? – Положительные, негативные, затрудняюсь ответить. 2. Связываете ли Вы перспективу дальнейшей жизни с Арменией? – Да, нет, затрудняюсь ответить. 3. Причина, по которой Вы хотите уехать? – Для продолжения обучения, материальная, личная, по семейным обстоятельствам, невозможность применения своих способностей в Армении и свой вариант.

На втором этапе исследования для выявления особенности самопонимания этнокультурной идентичности исследуемых была применена методика для выявления соотношения «Я» и «Мы» в самопонимании этнокультурной идентичности, а также методика «Шкала Сингелис», предназначенная для исследования особенностей самоинтерпретации. Вторичная обработка данных проводилась с применением методов статистической обработки данных.

Анализ результатов исследования. Из приведенных в таблице 1 данных видно, что 52,6 % респондентов из общего числа исследуемых оценивают свои ощущения от проживания в Армении положительно, 5,2 % – отрицательно, а 42,2 % затрудняются ответить на этот вопрос.

Таблица 1.

Количественное и процентное соотношение исследуемых по ответам на вопрос «Ваши ощущения от проживания в Армении?»

N	Варианты ответов	Количество респонентов	Процентное соотношение
	Положительно	71	52.6
	Отрицательно	7	5.2
	Затрудняюсь ответить	57	42.2
	Общее количество ответивших	135	100

Как видно из результатов исследования, большинство исследуемых положительно оценивают самоощущение от своей жизнедеятельности на своей Родине, невзирая на проблемы социально-экономического характера. Позитивный настрой является подтверждением того факта, что в большинстве случаев обстоятельства социальной среды не приводят к ощущениям безысходности и отчаяния. Однако значительная часть респондентов

находится в затруднении и в состоянии неопределенности, лишь малая доля исследуемых имеет негативный, пессимистический настрой.

Приведенные в таблице 2 данные показывают, что из общего числа респондентов перспективу дальнейшей жизни с Арменией связывают 58,5 %, не связывают 8,1 %, а 33,3 % затрудняются ответить на этот вопрос.

Таблица 2.

**Количественное и процентное соотношение исследуемых по ответам на вопрос:
“Связываете ли Вы перспективу дальнейшей жизни с Арменией?”**

N	Варианты ответов	Количество респонентов	Процентное соотношение респонентов
	Да	79	58,5
	Нет	11	8,1
	Затрудняюсь ответить	45	33,3
	Общее количество ответивших	135	100

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наблюдается примерно такое же соотношение респондентов, как и при ответе на первый предложенный вопрос. Немногим более половины свою дальнейшую жизнедеятельность и себя видят в Армении, в состоянии неопределенности находятся немногим менее половины. Однако вызывает обеспокоенность часть респондентов, имеющих желание в перспективе покинуть страну.

В своем исследовании мы провели корреляцию между негативными ответами исследуемых в ответе на первый вопрос и нежеланием дальнейшей жизнедеятельности на территории Армении при ответе на второй вопрос анкетного опроса.

Таблица 3.

Результаты корреляционного анализа

		Негативные ощущения от проживания в Армении	Нежелание связать перспективу дальнейшей жизни с Арменией
Негативные ощущения от проживания в Армении	Pearson Correlation	1	.517**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	135	135
Нежелание связать перспективу дальнейшей жизни с Арменией	Pearson Correlation	.517**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	135	135
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).			

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, существует значимо выраженная корреляционная связь между негативными ощущениями респондентов от проживания в Армении и их нежеланием связывать перспективу дальнейшей жизни с Арменией [$r=0,517$, уровень значимости $P=0,01$].

Таблица 4.

Количественное и процентное соотношение причин, на которые указывают респонденты, желающие уехать из Армении.

N	Варианты ответов	Количество респондентов	Процентное соотношение
	Личная, по семейным обстоятельствам	19	48,7
	Невозможность применения своих способностей в Армении	12	30,8
	Материальная	6	15,4
	Для продолжения обучения	2	5,1
Общее количество ответивших на вопрос		39	100

Из данных, приведенных в таблице 4, видно, что из общего числа желающих покинуть Родину 48,7 % хотят покинуть Армению по личным, семейным обстоятельствам, 30,8 % – по причине невозможности применения своих способностей в Армении, 15,4 % – по причине матери-

альных затруднений, 5,1 % исследуемых – с целью продолжения обучения за рубежом.

На втором психодиагностическом этапе исследования с применением методики «Шкала Сингелис» мы определяли преобладающий тип самоинтерпретации /независимой, взаимозависимой или металичной/ у респондентов, которые оценивают свои ощущения от проживания в Армении и выражают свое отношение относительно перспективы дальнейшей жизни на своей Родине.

Таблица 5.

Названия и среднестатистические значения преобладающего типа самоинтерпретации в группах респондентов, ответивших на вопрос: «Каковы Ваши ощущения от проживания в Армении?»

	Выборка	Тип самоинтерпретации					
		Взаимозависимая		Независимая		Металичная	
		Ср. зн	Ср. откл	Ср. зн	Ср. откл	Ср. зн	Ср. откл
	Позитивно	77,99	22,09	80,09	20,57	52,14	13,66
	Негативно	73,98	24,02	80,14	21,81	52,86	15,81
	Затрудняюсь ответить	77,33	20,73	81,33	20,42	52,78	13,64

Как видно из данных, представленных в таблице 5, в подгруппе респондентов, положительно ответивших на вопрос: «Каковы Ваши ощущения от проживания в Армении?», среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет 77,99 баллов, независимой самоинтерпретации – 80,09 баллов и металичной самоинтерпретации – 52,14 баллов. В подгруппе респондентов, отрицательно ответивших на тот же вопрос, среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет 73,98 баллов, независимой самоинтерпретации – 80,14 баллов и металичной самоинтерпретации – 52,86 баллов. В подгруппе респондентов, затрудняющихся ответить на вышеуказанный вопрос, среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет 77,33 балла, независимой самоинтерпретации – 81,33 баллов и металичной самоинтерпретации – 52,78 баллов. Как видно из представленных данных, во всех подгруппах респондентов, вне зависимости от оценки респондентами своего ощущения от проживания в Армении, среднее значение выраженности всех компонентов: взаимозависимая, независимая металичная – доминирует независимая. Таким образом, намечается тенденция в отношении выраженности типа самоинтерпретации: независимый тип преобладает среди респондентов во всех трех подгруппах по отношению к выражению ощущений любого характера. Данный тип самоинтерпретации позволяет судить о самом способе самопонимания, представляющем собой постановку вопросов, направленных на выявление информации о своей уникальности, своих отличительных чертах.

Таблица 6.

**Названия и среднестатистические значения преобладающего
типа самоинтерпретации в группах респондентов, ответивших на вопрос:
“Связываете ли Вы перспективу дальнейшей жизни с Арменией?”.**

	Выборка	Тип самоинтерпретации					
		Взаимозависимая		Независимая		Металичность	
		Ср. Зн.	Ср. Откл.	Ср. зн	Ср. Откл.	Ср. Зн.	Ср. Откл.
	Да	77,87	22,04	80,41	20,79	52,63	13,92
	Нет	81,53	20,10	84,30	18,23	54,64	13,75
	Затрудняюсь ответить	75,64	21,65	80,18	20,47	51,71	13,28

Как видно из представленных в таблице 6 результатов, которые выявляют категории выборки в ответе на вопрос: «Связываете ли Вы перспективу дальнейшей жизни с Арменией?», среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет 77,87 баллов, независимой самоинтерпретации – 80,41 баллов и металичной самоинтерпретации – 52,63 баллов. В подгруппе респондентов, отрицательно ответивших на тот же вопрос, среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет 81,53 баллов, независимой самоинтерпретации – 84,30 баллов и металичной самоинтерпретации – 54,64 баллов. В подгруппе респондентов, затрудняющихся ответить на вышеуказанный вопрос, среднее значение выраженности взаимозависимой самоинтерпретации составляет **75,64** баллов, независимой самоинтерпретации – **80,18** баллов и металичной самоинтерпретации – **51,71** баллов. В таблице 6 мы представили среднестатистические значения преобладающего типа самоинтерпретации в различных подгруппах респондентов в зависимости от ответа на вопрос: “Связываете ли Вы перспективу дальнейшей жизни с Арменией?”.

Нами был проведен кросстабуляционный анализ и были построены таблицы сопряженности по вопросам: 1. Ощущения от проживания в Армении и 2. Перспектива дальнейшей жизни в Армении. Для введения информации в программу нами была применена кодировка. Для выявления коэффициента, позволяющего оценить силу и направление связей наших переменных мы провели меры связи, основанные на критерии «Хи-квадрат».

Таблица 7.

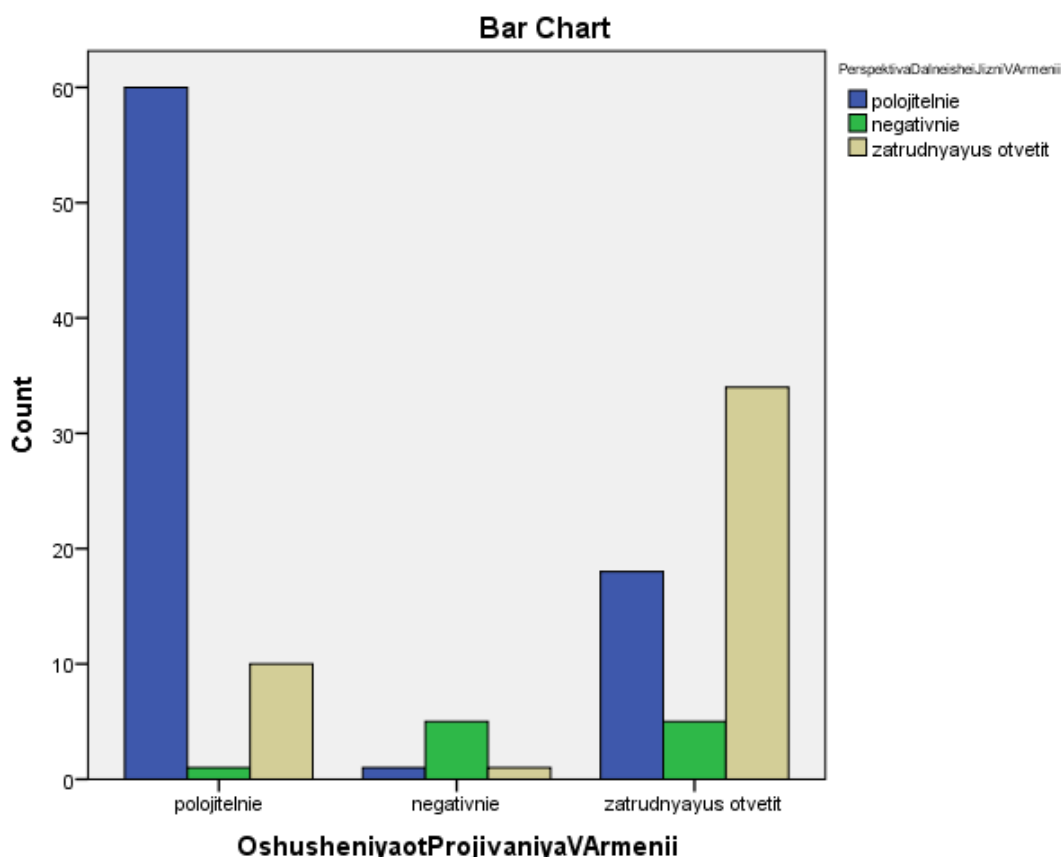
Кросстабуляция: Ощущения от проживания в Армении

* Перспектива дальнейшей жизни в Армении

			Перспектива дальнейшей жизни в Армении		
			положительные	негативные	затрудняюсь ответить
Ощущения от проживания в Армении	положительные	% от Перспективы дальнейшей жизни в Армении	75,9%	9,1%	22,2%
	негативные	% от Перспективы дальнейшей жизни в Армении	1,3%	45,5%	42,2%
	затрудняюсь ответить	% от Перспективы дальнейшей жизни в Армении	22,8%	45,5%	75,6%

Таблица 8.

Результаты меры связи, основанные на критерии «Хи-квадрат».

Так как наши переменные являются номинальными, выделяется критерий Фишера=0,753, уровень значимости=0.000<0,05,. Таким образом, связь между двумя группами вопросов является статистически достоверной (95 %), в частности, в отношении положительных ощущений от проживания в Армении и положительных ответов на вопрос о перспективе проживания в Армении (у 75,9 %), что видно из таблиц сопряженности.

Таблица 9.

Результаты сопряженности в отношении положительных ощущений от проживания в Армении и положительных ответов на вопрос о перспективе проживания в Армении - Symmetric Measures

	Value	Asymp. Std. Error ^a	Approx. T ^b	Approx. Sig.
Nominal by Nominal Phi	.753			.000
Interval by Interval Pearson's R	.517	.074	6.963	.000 ^c
Ordinal by Ordinal Spearman Correlation	.524	.074	7.104	.000 ^c
N of Valid Cases	135			

a. Not assuming the null hypothesis.

- b. Using the asymptotic standard error assuming the null hypothesis.
- c. Based on normal approximation.

Результаты исследования по корреляции свидетельствуют о том, что положительный ответ более всего коррелирует с характеристиками независимой самоинтерпретации, отрицательный ответ по уровню корреляции с независимой самоинтерпретацией превосходит положительный по значимости, а затруднение с ответом дает наименьшую по сравнению с другими параметрами выраженность корреляции.

Общие выводы. Во всех подгруппах респондентов, вне зависимости от оценки респондентами своего ощущения от проживания в Армении, среднее значение выраженности среди всех компонентов доминирует независимая. Таким образом, намечается тенденция в отношении выраженности типа самоинтерпретации: независимый тип преобладает среди респондентов во всех трех подгруппах по отношению к выражению ощущений любого характера. Это такое осмысление своей личности как цельной структуры, отделенной от социального контекста. Используя этот способ самоинтерпретации, индивиды склонны чувствовать и осознавать, в первую очередь, свою уникальность, свои отличительные черты, свои возможности, личностные качества и собственные цели вне социума и в отсутствии зависимости от социальных связей. Результаты исследования по корреляции свидетельствуют о том, что положительный ответ более всего коррелирует с характеристиками независимой самоинтерпретации, отрицательный ответ по уровню корреляции с независимой самоинтерпретацией превосходит положительный по значимости, а затруднение с ответом дает наименьшую по сравнению с другими параметрами выраженность корреляции. Таким образом, доминирующий тип самоинтерпретации выражен на всех уровнях ответа, однако наиболее высокий уровень наблюдается при отрицательном ответе. Данные результаты являются неопровержимым доказательством существующей взаимосвязи между самоощущениями личности в этнической группе, его намерений относительно перспектив своей дальнейшей жизни в Армении и типами самонтерпретации. Результаты исследования особенностей самоинтерпретации всех групп респондентов показали значимые различия:

1) в уровне независимой самоинтерпретации между всеми исследуемыми группами и мужчин и женщин внутри исследуемых групп; 2) в уровне взаимозависимой самоинтерпретации между всеми исследуемыми группами значимых различий между группами мужчин и женщин внутри групп не выявлено; 3) в уровне металичности самоинтерпретации между всеми группами значимых различий между мужчинами и женщинами не обнаружено.

Библиографический список

1. Берберян А. С. Самоидентификация армянской студенческой молодежи в титульном этносе и сопряженной диаспоре. Россия и Запад: диалог культур: Материалы XVII международной конференции. Выпуск 17, часть 1. – М., 2015. – 186 с. – С. 14–20.
2. Берберян А. С., Тучина О. Р. Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях. Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал, 2014. № 1. – С. 84–101.
3. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 10–34.
4. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М. : Смысл, 1998. – С. 103–122.
5. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 35–48.
6. Tajfel, H. (1974). Social Identity and Intergroup Behavior, Breakwell G. M. Coping with threatened identities. – L. – N. Y. : Mithuen, 1986.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

И. В. Гурьянова

*Кандидат педагогических наук, доцент
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск,
Россия*

Summary. This article focuses on the formation of ethnic identity and tolerance of students through mastering the discipline «Fundamentals of psychology».

Keywords: national interests; patriotism; national character; national spirit; national feelings; national daydreaming and structure; national identity; historical memory.

В педагогических концепциях Абибуллаева Г. С., Бурлак О. А., Маслова Г. Г. и др. подтверждается положение о том, что основой толерантного отношения к людям является позитивная этническая идентичность, в структуре которой позитивный образ собственной этнической группы сосуществует с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Повлиять на формирование этой структуры у студентов предоставляется возможность на занятиях по дисциплине «Основы этнопсихологии».

Целью курса является формирование у студентов основных знаний об этнопсихологии, особенностях психики различных этносов, влияние психологии этноса на системы взаимоотношений в мультиэтнических общностях. А также развитие профессионально значимых качества, позво-

ляющих эффективно взаимодействовать в практике профессиональной деятельности с представителями различных этносов и народностей.

В курсе «Основы этнопсихологии» изучаются психологические особенности представителей различных этносов, процесс формирования и виды этнической идентичности, проявление этнической идентичности, основные функции национальной психики, этнические стереотипы и их виды. Раскрываются такие понятия, как «национальные интересы», «патриотизм», «национальный характер», «национальный темперамент», «национальные чувства», «национальная мечтательность и ее структура», «национальное сознание», «историческая память».

В ходе изучения курса студенты должны приобрести следующие знания: основных понятий и концепций этнопсихологии, основных школ этнопсихологии, видов взаимодействия этнических общностей, функций этнического самосознания.

В ходе изучения курса студенты должны приобрести следующие умения и навыки: классифицировать возникновение межэтнической напряженности в предлагаемом, отдельно взятом регионе; выделять этнопсихологические особенности представителей конкретного этноса; определять этнических маргиналов и выстраивать поведенческие стратегии; использовать полученные знания при подготовке и проведении деловых переговоров.

По окончании изучения данного курса студент должен демонстрировать умение системно мыслить и выделять психологические особенности конкретного этноса.

К моменту изучения курса предполагает усвоение других дисциплин государственного образовательного стандарта «Социальная психология», «История», «Социология», «Культурология» и иностранный язык.

Преподавание дисциплины осуществлялось в рамках контекстного обучения, которое предполагает три базовых формы деятельности: учебная деятельность академического типа; квазипрофессиональная деятельность; учебно-профессиональная деятельность.

В качестве промежуточных форм контекстного обучения выступают: лабораторно-практические занятия, имитационное моделирование, разбор конкретных ситуаций, ролевые игры, курсовые работы.

В курсе «Основы этнопсихологии» нами были использованы в ходе учебной деятельности лекция вдвоём, лекция-визуализация, лекция запланированными ошибками, лекция пресс-конференция, проблемная лекция, семинар.

Т. к. практические занятия играют важную роль в выработке у студентов навыков применения полученных знаний для решения практических задач совместно с преподавателем, нами разработаны различные задания и формы проведения практических занятий. Они проходят в форме семинара, чтения докладов, тестирования. Практические занятия организо-

вывались так, чтобы студенты постоянно ощущали нарастание сложности выполняемых заданий, испытывали положительные эмоции от переживания собственного успеха в учении, были заняты напряженной творческой работой, поисками правильных и точных решений. Большое значение имели индивидуальный подход и продуктивное педагогическое общение.

Квазипрофессиональная деятельность позволяла нам упорядочить знания, умения, навыки, полученные на всех предшествующих этапах обучения. Активной формой квазипрофессиональной деятельности является деловая игра. Квазипрофессиональная деятельность позволяла нам упорядочить знания, умения, навыки, полученные на всех предшествующих этапах обучения и сложить их в целостную динамическую систему, в ней создавались такие ситуации, при которых происходило взаимодействие познавательных и профессиональных мотивов. Активной формой квазипрофессиональной деятельности является деловая игра. Игра нужна была нам, чтобы активизировать познавательную деятельность студента, повысить его самостоятельность, превратить студента из потребителя информации в того, кто ее требует и добывает; формировать необходимые личностные качества будущего специалиста.

Примечательно то, что деловая игра помогала смоделировать профессионально значимую ситуацию, в которой студенты проживали в психологически защищенной, комфортной обстановке то, что им позже придется прожить в процессе профессиональной деятельности.

Кроме того студенты, в рамках дисциплины посещают Дом дружбы народов, который ведет большую концертную, просветительскую и краеведческую работу, на его базе проводятся различные конкурсы, акции для молодежи, такие как городские гулянья (Сабантуй, Масленица, Рождество, Навруз и т. д.), национальные праздники (Роша-Шона, Ураза Байрам, Ханука и др.), показательные уроки по изучению народных промыслов, выставки.

Между лекцией и практическим занятием мы планируем самостоятельную работу студентов. В курсе «Основы этнопсихологии» самостоятельными были следующие формы работы:

- 1) специальные задания для осмысления пройденного материала (например, составь список существующих национальных традиций, связанных с жизнедеятельностью твоего народа; проиллюстрируй с помощью пословиц, поговорок, сказок разных народов отношение к себе, другим людям, к порученному делу, вещам, к добру и злу; подготовь презентацию «Национально – психологические особенности представителей разных народов»);

- 2) изучение отдельных тем или вопросов по учебникам. Поскольку в настоящее время используются разнообразные учебники, мы считали целесообразным снабдить студентов планом, содержащим все компоненты рассматриваемого вопроса;

3) мини-исследования. Эля эмпирического изучения этнических феноменов мы используем следующие методики: «Изучение этнических стереотипов с помощью проективных рисунков» (Т. И. Иванова); Диагностический тест отношений (Г. У. Кцоева-Солдатова); Шкала социальной дистанции (Э. Богардус); Тест культурно - ценностных ориентации (Дж. Таусенд); Адаптация личности к новой социокультурной среде (Л. В. Янковский); Диагностика межличностных отношений (А. А. Рукавишников);

4) конспектирование первоисточников, составление тезисов, составления списка художественных произведений, которые способствуют этническому воспитанию;

5) работа с новыми лексическими единицами (при конспектировании первоисточников студентам встречаются незнакомые профессиональные термины, их задача найти определение этих терминов и записать в словарь, который они ведут).

Изучение дисциплины «Основы этнопсихологии» завершается зачетом.

Таким образом, т.к. в современной полиэтнической России актуальными становятся проблемы этнокультурного характера (предотвращение межнациональных конфликтов; учет специфики региона в процессе воспитания; проблема толерантности и др.) дисциплина «Основы этнопсихологии» может внести свою лепту в понимании и осмыслении данных проблем в молодежной среде.

Библиографический список

1. Гурьянова И. В. Этнопсихология : учебно-методическое пособие для студентов дневной и заочной формы обучения. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – 45 с.
2. Гурьянова И. В., Голикова С. В., Горева О. М. и др. Формирование этнокультурной компетентности личности как актуальная проблема этнопсихологии в условиях глобализации // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография. – Книга 22. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2014. – 248 с. – С. 48–68.

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

А. В. Сенкевич

*Кандидат философских наук, доцент,
Воронежский институт
высоких технологий – АНОО ВПО
г. Воронеж, Россия*

Summary. The author describes the general orientation of modern Western philosophy of history. The article discusses a number of socio-philosophical concepts, in which the future of humanity depends on the resolution of global problems. The conclusion about the need for comprehensive dialogue of cultures.

Keywords: philosophy of history; humanity; global problems.

К числу ключевых задач так называемой материальной (субстанциальной) философии истории изначально относится стремление понять историю как упорядоченное целое. Это подразумевает попытку выявить движущие силы и факторы исторического процесса, произвести его хронологическое членение и, главное, раскрыть всемирно-исторический смысл совместного существования людей, соотнеся его с историческим смыслом индивидуальной человеческой судьбы. Таким образом, прошлое оказывается для мыслителей онтологическим фундаментом для выстраивания предполагаемой картины будущего, для тех или иных прогнозов относительно последующих событий в жизни человечества.

В работах западных мыслителей новейшего времени интерес к данным аспектам по ряду причин угасает, уступая место критической (аналитической) философии истории. Она занята разработкой методологии социального познания и рефлексией над возможными способами постижения истории. Как указывает Ю. А. Кимелев, отходу от традиционных попыток всеобъемлющей систематизации исторической действительности способствует, в первую очередь, «четкое осознание принципиального своеобразия нынешнего состояния исторической жизни человечества, соответственно осознание относительной бесполезности поиска в прошлом каких-либо аналогов или образцов» [3, с. 17]. Кроме того, философия постмодерна заявляет о своем дистанцировании от гносеологических установок и ценностей прошлого, открыто разрывает связь с традицией. Аисторизм предполагает теоретические и практические усилия для того, чтобы сделать социальную жизнь планируемой, управляемой и предсказуемой с помощью науки, а вынесение уроков из истории в этом плане оказывается бесполезным.

Однако в последние десятилетия общечеловеческий поток истории встал перед альтернативами бытия и небытия, что обусловлено остротой глобальных проблем. Их угроза заставляет крупнейших специалистов в

отдельных областях социально-гуманитарного знания подниматься от накопленных фактов к философским обобщениям. Не случайно именно социологами и политологами на рубеже XX–XXI вв. вновь создаются книги-«диагнозы», книги-«предостережения».

Наиболее опасной для человечества и каждого человека является проблема насилия. Насилие в XXI веке обусловлено целым рядом субъективных и объективных факторов. Врожденные или приобретенные психические отклонения, сбои в социализации ведут к «моральному помешательству». Технические возможности, соединенные с превратно понятой свободой и опасными идеологиями, расширяют сферу насилия и порождают его новые формы.

Если прежде угроза насилия исходила по большей части от внешнего врага или самого государства (пример – тоталитаризм), то опасностью сегодняшнего дня является «молекулярная гражданская война» – «произвольное, бесцельное насилие, обходящееся без идеологической мотивации, и направленное против кого угодно» [8, с. 18]. Оно стало предметом особого внимания ученых в последние два десятилетия и затронуло не только страны, внутренне неблагополучные, но и вполне стабильные общества. Участились случаи массовых расстрелов в общественных местах, детская и подростковая жестокость, вандализм, «кулачное право», проникшее даже в престижные городские кварталы. Ужасает массовость, бессмысленность и беспричинность таких явлений. Их невозможно прогнозировать и, соответственно, принимать конкретные профилактические меры. Как пишет К. Шлёгел, «архаические формы насилия, такие, как изнасилование, кастрация, ослепление, расчленение, изгнание, погром, сожжение, кровная месть, опять актуализированы» [8, с. 14]. Теперь боятся уже не государственной власти, а безвластия, на фоне которого процветают бандформирования и агрессоры-одиночки.

Современный этап во взаимоотношениях крупных социальных общностей связан с особыми процессами, которые позволили одному из известных западных исследователей – С. Хантингтону – говорить о столкновении цивилизаций. Главная идея его одноименной работы, вышедшей в 1993 г., состоит в том, что в ближайшем будущем источником конфликтов станут не экономика и не идеология. Серьезнейшие, наиболее острые конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Под цивилизацией он понимает самый широкий уровень культурной идентичности людей, а критерием различения цивилизаций у него выступает религия. Запад противостоит всем остальным типам цивилизаций, особенно исламскому, границы которого «везде и всюду залиты кровью» [6, с. 40].

В отечественной философской литературе эта концепция подвергнута обстоятельной критике. В качестве ее недостатков указывают недооценку экономической подосновы мировых конфликтов, огромного количества внутристрановых гражданских войн, произвольное отнесение отдельных

народов к той или иной цивилизации. В целом критика по этим пунктам вполне справедлива, но основные идеи работы Хантингтона остаются актуальными в свете событий, происшедших за двадцать лет после ее выхода.

Исследователь убежден, что культурные (главным образом, религиозные) различия не исчезнут со временем. Они более консервативны, чем экономические и политические, и их сложнее изменить.

Это подтверждают современные этнонациональные и религиозные столкновения, но ведь они появились не сегодня, история изобилует подобными примерами. И если попытаться вскрыть их истоки, то за каждым, в большинстве случаев, обнаруживаются вполне понятные экономические, территориальные и политические претензии. Просто в одних случаях они имели классовую или идеологическую оболочку, а в других – религиозную, в зависимости от того, какой компонент, уровень мировоззрения доминировал в тех или иных условиях, т. е. культурные (религиозные) различия – чаще всего не источник, а прикрытие истинных причин.

Так чем же объясняется современный «реванш Бога», о котором говорит Хантингтон? Видимо, противоборство стран и народов в современном мире, как правило, происходит большей частью не только и не столько по вопросу о приверженности тем или иным религиозным идеям, а по вполне прагматическим причинам, связанным с защитой и реализацией национальных интересов. Такое стремление многократно усиливают глобализационные процессы, сталкивающие разнородные системы ценностей.

Что касается религиозного прикрытия этих конфликтов, то, на наш взгляд, объяснение может быть следующим. Несостоятельность любой рационально выраженной идеологии со временем может быть раскрыта. Куда сложнее обосновать преимущества одной культуры перед другой, ведь в глубине своей она иррациональна. К этому добавляется характерное для религии снижение самооценности земной жизни человека и обещание ему потусторонних благ. А соответствующая мораль, будучи авторитарной, программирует поведение индивида, исключает рефлексию эмпирических оснований. В результате люди, вступая в конфликт, перестают ценить не только жизнь противника, но и (что самое страшное!) свою собственную. Если добавить к этому сегодняшние военные технологии, доступные не только правительствам крупных государств, но и бандам террористов, то картина станет полной.

Учитывая вышесказанное, можно понять, почему, по Хантингтону, невозможна универсальная цивилизация. Как представляется, если создавать ее насильственно, она неизбежно распадется при большом количестве жертв. Чтобы она возникла добровольно, нужно, чтобы какая-либо система ценностей среди существующих культур доказала свое преимущество, а это маловероятно.

Наконец, заслуживает пристального внимания вывод, который делает Хантингтон: «мир будет состоять из непохожих друг на друга цивили-

заций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными» [6, с. 48].

Американский социолог О. Тоффлер рассматривает в качестве источника современных разноуровневых конфликтов грандиозное «смещение власти» – то есть приоритетную роль информации в современной мировой экономике. «Распространение новой экономики с ведущей ролью знания явилось взрывной силой, ввергшей развитые экономические системы в жесткое глобальное соперничество, продемонстрировавшей социалистическим государствам их безнадежную отсталость, заставившей многие «развивающиеся страны» отказаться от традиционных экономических стратегий» [5, с. 338]. Он прогнозирует все более жаростные столкновения в борьбе за власть как в частной, так и в общественной сферах.

Демографическая проблема при ее глобальном характере имеет особые проявления в конкретных государствах и регионах: в одних наблюдается рост численности населения, в других – старение и убыль.

Депопуляция населения Европы детально проанализирована в книге П. Бьюкенена «Смерть Запада». Автор крайне обеспокоен тем, что при сохранении нынешних тенденций «колыбель западной цивилизации станет и ее могилой» [1, с. 8].

Незаинтересованность многих современных европейцев в семье и детях тесно связана с гедонизмом как доминирующей жизненной установкой и утверждением «общества потребления». Люди, разные по национальности, полу и профессии, объединены общим стремлением испытывать больше удовольствий и нести меньше расходов и забот. В Германии этот жизненный принцип выразился в формуле: «Сдвоенный доход и никаких детей».

Кроме описанной Бьюкененом проблемы ситуацию усложняет пропаганда нетрадиционных отношений, преподносимая как проявление толерантности и демократии. В этих условиях коренные европейские нации вытесняются мигрантами из стран Востока, где сильны традиционные ценности и распространена многодетность.

Представляет интерес вариативность современного мира, как она рассматривается известным социологом Э. Гидденсом. Он описывает два возможных пути развития событий. Первый связан с благополучным разрешением человечеством глобальных проблем. Три составляющие такого мира – это «система-после-бедности», позволяющая всем регионам достичь экономического благосостояния, отсутствие войн и гуманизация технологий. Второй сценарий характеризуется серьезнейшими экологическими бедствиями, тоталитаризмом и возможностью ядерной войны. Мыслитель высказывает предостережение: «Никакие силы провидения не вмешаются, чтобы спасти нас, и никакая историческая телеология не гарантирует, что эта вторая версия постмодерна не вытеснит первую» [2, с. 347].

Первый шаг к преодолению глобальных проблем, по выражению Р. Хиггинса – «рациональный страх». Этот автор отмечает, что «реальность настоящего всегда может быть только страхом среди надежды, распадом среди роста, смертью среди жизни» [7, с. 74].

Вопреки традиционному отношению обыденного сознания к страху как к нежелательному, ненормальному состоянию мы должны выработать в себе конструктивный страх, связанный с пониманием и готовностью действовать. Рациональный страх подкрепляется способностью нашего воображения создавать образы грозящих опасностей. По-другому мы не можем обрести опыт их переживания точно так же, как не имеем опыта собственной смерти. Хиггинс также указывает, что самые глубокие трансформации происходят в индивидах и только через них в социуме. Личное страдание и пример ближнего учат гораздо большему, чем абстрактные рассуждения.

Таким образом, в глобализирующемся мире возрастает роль индивидуальной нравственности и личная ответственность каждого человека за избранные им ценности. Его поступки способны направить вектор исторического развития в ту или иную сторону. Смысл индивидуального существования на такой развилке истории приобретает особое значение, и философия сейчас, как никогда раньше, призвана указать «идеальные жизненные ориентиры, ценностные критерии и мотивации, ... что связано в первую очередь с повышением роли человека в историческом процессе» [4, с. 71].

Очевидно, что глобальные проблемы по самой своей сути требуют глобальных усилий для своего преодоления. И эти усилия должны базироваться на общечеловеческих ценностях, иначе невозможно говорить о единстве людей, и все их попытки обречены на провал. Задача философии – найти в имеющихся социальных, политических, идеологических и религиозных доктринах нечто общее и взаимосогласующееся, что явилось бы ценным для всего мирового сообщества. Это сложно, поскольку культуры порой резко отличаются друг от друга, но вполне возможно, так как исходные бытийные характеристики человека глубже, чем их культурное выражение. Это создает возможность для диалога культур, точнее, их носителей, который представляется должным состоянием современного общества.

Д. Захсенмайер в книге «Глобальные перспективы мировой истории: теории и подходы во взаимосвязанном мире» указывает на необходимость такого международного диалога и обмена идеями в сфере исторического познания. «Концептуальные разработки в локально и глобально ориентированных исследованиях могут все теснее сближаться друг с другом. В этом смысле взаимодействие мировой и локальной историй должно не приводить к нулевому результату, а, скорее, должно взаимно дополнять их. Только на этом пути можно мыслить как глобально, так и исторически» [9, с. 245].

Библиографический список

1. Бьюкенен П. Смерть Запада. URL: <http://mirknig.com/knigi/raznoe/1181177695-patrik-dzh-byukenen-smert-zapada.html> (дата обращения - 26.02.2015.).
2. Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 340–347.
3. Кимелев Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: Антология : учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 3–19.
4. Мигولاتьев А. А. Человек как объект философского знания // Социально-политический журнал. – 1998. – № 2. – С. 67–78.
5. Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 332–339.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–49.
7. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – С. 26–76.
8. Шлёгел К. Новый порядок и насилие. Размышление о метаморфозах насилия // Вопросы философии. – 1995. – №5. – С. 12–19.
9. Sachsenmaier D. Global perspectives on global history: theories and approaches in a connected world. – Cambridge University Press, 2011. – 299 p.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА

В. В. Техты

*Педагог,
Республиканский дворец
детского творчества, г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания,
Россия*

Summary. The article is devoted internal and external factors of forming the feeling of patriotism. Mechanism to strengthen the patriotic spirit on the basis of the author's program are detailed. It identified the need for methodological side of the problem and to draw general theoretical conclusions.

Keywords: patriotism; sport; programme; school children.

Формирование чувства патриотизма – сложный и неоднозначный процесс, протекающий под воздействием комплекса факторов, связанных друг с другом. Факторы можно разделить на внутренние и внешние. Первый ряд факторов выражается в индивидуальных особенностях, психоэмоциональном настрое, симпатиях, антипатиях, складывающихся из стиля и образа жизни личности и социально-исторических условий.

Внешние факторы патриотизма представляют собой объективно существующие социальные, экономические, духовные, нравственные, бытовые условия общества, также целенаправленно реализуемые на государственном уровне проекты и программы по поддержанию и укреплению чувства долга и ответственности подрастающего поколения перед Отечеством.

Известно, что сознание и поведение представляют собой процесс интериоризации личности, в ходе которого объективным образом возникает противоречие между сознанием и поведением. Основной причиной этого выступает формирующиеся и непрерывно развивающиеся потребности личности.

В современной гуманитарной теории существует два наиболее популярных подхода к осмыслению патриотического воспитания подрастающего поколения: интеллектуалистический и поведенческий. Первый подход подразумевает обеспечение школьников и воспитуемых необходимыми знаниями о нравственности, морали, долге и ответственности. Второй, поведенческий подход, направлен непосредственно на практику, на приобретение положительного нравственного опыта взаимодействия в коллективе [1].

Принято делить факторы чувства патриотизма на внешние и внутренние. Однако, это имеет условный характер, на практике они имеют диалектическую взаимосвязь, то есть они взаимопроникают, взаимодополняют и взаимообусловлены. В качестве внешних факторов выступают те предметы, события и явления, которые в той или иной мере представляют собой необходимую информацию о стране, народе, его истории, в целом, об Отечестве. Среди них можно перечислить следующие: семья, круг знакомых, образовательные и воспитательные учреждения, литература и искусство, СМИ, духовно-просветительские, научно-исследовательские учреждения, центры, институты и др. В деле укрепления чувства патриотизма они поддерживают друг друга, способствуют интенсификации процесса формирования патриотизма.

Внутренние факторы носят индивидуальный характер, но, разумеется, в некотором роде они зависят от внешних. Характер, направленность мировоззренческих установок, смысл жизненных ориентиров, потребности, интересы и ценности, вырабатываемые навыки в ходе их реализации и другие индивидуальные особенности личности выступают как внутренние факторы патриотизма.

Разумеется, в процессе патриотического становления личности школьника имеет место и самостоятельный активный выбор среди различных вариантов нравственного поведения, ибо патриотизм – это, прежде всего, высокая мораль и нравственный идеал. Из этого следует, что педагогическая составляющая имеет определяющее место в формировании патриотизма.

В целом, педагогические особенности формирования чувства патриотизма у детей и подростков в учреждениях дополнительного образования

детей (УДОД) имеют комплексный характер и, по нашему мнению, в частности, включают в себя и нижеследующие последовательные моменты:

- определение специфики формирования чувства патриотизма детей и подростков в УДОД;

- разработка и практическая апробация модели формирования чувства патриотизма у детей и подростков в УДОД, базирующаяся на:

- авторской комплексной программе «Спорт и патриотизм», интегрирующей ведущие способы, средства и принципы деятельности спортивного учреждения дополнительного образования;

- деятельности в структуре УДОД консультативно-воспитательного центра, систематизирующего и координирующего усилия преподавателей по реализации программы «Спорт и патриотизм»;

- оценке и самооценке результатов формирования чувства патриотизма посредством специально разработанных диагностируемых критериев.

Кроме прочего, формирование чувства патриотизма у детей и подростков в спортивном учреждении дополнительного образования детей будет наиболее полным, если обеспечивается комплексность следующих условий:

- определены педагогические принципы и задачи формирования чувства патриотизма у детей и подростков.

- учебно-воспитательный процесс в УДОД способствует формированию патриотической атмосферы, способствующей деятельности по освоению чувств долга и обязанностей перед Родиной;

- выявление и оптимальная реализация духовного потенциала народной культуры по укреплению патриотического духа воспитанников спортивных учреждений дополнительного образования детей;

- разработка и реализация модели формирования чувства патриотизма, базирующейся на психолого-педагогических парадигмах;

- эффективное внедрение основных принципов авторской программы «Спорт и патриотизм», направленной на развитие патриотизма у детей и подростков, также отражающей ведущие положения, идеи, условия, направления, способы, средства и принципы построения деятельности спортивного УДОД;

- непрерывное совершенствование функций консультативно-воспитательного центра, предназначенного для систематизирования и координирования усилий преподавателей по реализации программы «Спорт и патриотизм»;

- планомерный анализ результатов комплексных мер по укреплению чувства патриотизма на основе специально разработанных диагностирующих критериев.

В качестве теоретического заключения к вышесказанному можно утверждать, что методологические основы трактовки сути патриотического чувства и патриотизма в целом составляют фундаментальные идеи ан-

тропологической концепции о человеке и его нравственном воспитании, о диалектической взаимосвязи духовного, психического и телесного бытия, о взаимообусловленности социального и биологического, интеллектуальной и физической работоспособности, о социально-культурных и этноконфессиональных условий в формировании личности. Учитывая это, необходимо выработать удобный алгоритм оптимального использования системного, аксиологического, культурологического, антропологического и деятельностного подхода, что, несомненно, является залогом успешности научных исследований на данном поприще.

Библиографический список

1. Героева Л. М. Педагогический анализ художественного воспитания в формировании патриотического самосознания младших школьников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №5-2013 г. // http://www.online-science.ru/m/products/pedagogical_science/gid671/pg0. Дата обращения 30.07.2015
2. Чуйков О. Е. Формирование патриотизма в условиях молодежных общественных организаций: социокультурный аспект. / Чуйков, Олег Евгеньевич. Дисс. ... канд. социол. наук 22.00.06. – М., 2009.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЗМА

В. В. Техты

*Педагог,
Республиканский дворец
детского творчества, г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания,
Россия*

Summary. The article analyzes of the causes of patriotism demonstrated by the Russians confirms that the fundamental principle of their patriotic acts and deeds is the «sense of the Motherland», the sense of the duty before it and the responsibility for its fate. Patriotic behavior of a person becomes possible only in those cases when he becomes deeply conscious of the kinship with his Motherland.

Keywords: Motherland; analysis; patriotism; person.

Научные выводы подтверждают, что первоосновой патриотизма является чувство Родины, которое означает всестороннее осознание долга и ответственности перед Отечеством. Человек способен совершать патриотические действия лишь только тогда, когда им глубоко осознана его несомненная сопричастность с Отчизной. Тонкое чувство Родины порождает во внутреннем мире человека особое душевное состояние, придает патриотическое настроение его психике, что характеризует наличие чувства любви к Родине.

Уровень развития патриотизма обуславливается, прежде всего, духовно-нравственными, историческими факторами, которые составляют весь смысл жизни поколений. В этой связи место и значение патриотизма на разных ступенях исторического развития могут рассматриваться по-разному.

Достаточно глубокие знания о своей Родине, психологическая и волевая готовность человека к различным поступкам ради блага своей Родины является основными характерными чертами и важнейшими условиями проявления патриотизма. «Человек, реализующий в своем поведении, поступках искреннее чувство уважения, любви к своей стране, называется патриотом» [1, с. 298]. Патриот – тот человек, который считает своим священным долгом всегда поступать в интересах своей страны. В структуре патриотизма можно выделить такие взаимообусловленные и диалектически взаимосвязанные элементы как патриотические отношения, патриотическое сознание, патриотическая деятельность.

Патриотизм имеет стабильный характер и через воспитательный процесс переходит из поколения в поколение. Истинный патриот не представляет сою жизни и судьбу вне своего Отечества, без своих соотечественников.

Важно отметить, что патриотизм – это естественная связь людей со своей Родиной. «Родина – это конкретное понятие и в большинстве случаев называется именем народа или нации, проживающей на определенной территории и дающей имя своему государству» [1, с. 345], тем самым она является естественным источником патриотизма.

Патриотизм – это любовь к Родине, уважение за ее гордость и настоящее. Родина всесторонне осознается при объективном восприятии как положительных, так и отрицательных сторон поведения своих соотечественников.

Таким образом, сознание, в общем смысле означает осознание внешнего мира, а патриотическое сознание как частное явление подразумевает осознание индивидами конкретных социально-экономических духовно-культурных отношений определенных этнических общностей на отдельно взятой территории.

Родина является источником духовности человека. «Родина, – писал выдающийся русский философ И. А. Ильин, – есть нечто от духа и для духа». При этом патриотизм всегда подразумевает чувство долга перед Родиной, выполнение которого демонстрирует истинный духовный облик человека, раскрывает его нравственные качества. Недаром в народе говорят: «Попробуй исполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть».

Кроме прочего, патриотизм представляет собой комплекс действий, посвященных развитию своей Родины. Они поддерживают и укрепляют те ценности, вокруг которых благополучно взаимодействуют человек и общество в рамках единой Родины. Патриотизм – это громадная добрая практика, проявляется в поступках и деятельности людей. В этом смысле

нельзя путать патриотический дух со слепой верой в символы, а надо трактовать его как смелые действия ради национальных ценностей. В этом плане характеристика патриотизма лишь как состояние сознания не полностью раскрывает его суть.

Патриотическое сознание находится в тесном взаимодействии с другими формами общественного сознания, при этом оно придает им необходимую нравственную и целевую направленность.

В последнее время чаще говорят о гражданском патриотизме, который, по мнению специалистов, означает свободу, равноправие, чувство сопричастности к проблемам общества и государства, гражданскую мораль, гордость за дом, двор, соседа, спортивную команду, город, регион. Индивидуальное развитие личности, ее воспитание, самооценка и уровень социализации выступает обуславливающими моментами в формировании патриотизма у людей.

Специалисты для всестороннего понимания сути патриотизма предлагают выделить две формы бытия Родины – Родина «моя» и «наша». Понятие «моя Родина» отражает родную среду проживания человека со сложной системой природно-географических, социально-экономических, культурно-бытовых условий жизни, которые, в свою очередь представляют собой тесное непосредственное отношение, взаимодействие и эмоциональные контакты.

Следует отметить, что эти две формы Родины в определенной мере находятся в сложном и противоречивом соотношении. Например, имеют место редкие случаи, когда патриотизм человека в силу ряда причин замыкается только на уровне «моя Родина», что может привести к возникновению такого негативного явления как местничество.

Однако любовь и чувство ответственности перед Родиной в общем смысле не может формироваться, если у человека отсутствуют такие же чувства по отношению к его малой Родине. Так что понятие «Родина моя и наша» можно рассматривать и как взаимообусловленные уровни всей культуры патриотизма.

Именно любовь к своей малой Родине, эволюционируя, возрастает до общенародного, общегосударственного уровня. Такой высокий уровень означает большую любовь ко всему многообразию большой страны, так что эти уровни патриотического сознания не могут формироваться друг без друга.

Как правило, понятие «моя Родина» вбирает в себя необходимые социальные и природные условия жизнедеятельности человека. Также данное понятие непосредственно связано с родным краем, бытовой жизнью, родным селом или городом, семьей и отчим домом, трудовым коллективом, группой знакомых и т.д. Любовь, уважение, чувства сопричастности к своему коллективу, городу, краю и т.п. являются разными формами проявления патриотизма к Родине в общем смысле. Иначе говоря, патриотизм

имеет конкретный характер и направлен на конкретные вещи, события, явления, касающиеся родных, близких и всех других соотечественников.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА УРОКАХ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЦИКЛА

Н. Я. Хасанов

*Аспирант,
Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия,
г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The formation of tolerance in the Russian school at lessons of natural – scientific cycle. Personification of science an important element in the formation of tolerance

Keywords: tolerance; ethnic identity; personification of science.

Проблемы формирования толерантности личности в российском обществе были актуальны во все времена. Конечно же это связано с многонациональностью народов, населяющих Россию, а также с беспокойной политической и экономической обстановкой во всем мире, сложившейся в последнее время. В процессе глобализации происходит сближение экономических, социальных и культурных норм и принципов в странах, где до этого экономика и общество имели ярко выраженные национальные черты. В связи с этим экономическая интеграция и культурное взаимопроникновение в этих странах неизбежно. Миграция во всем мире приводит к условному разделению в обществе на «своих» и «чужих», к различным видам этнической нетерпимости и как следствие к частым конфликтам на национальной почве. Вместе с развитием информационной и транспортной инфраструктуры она стала настолько массовым явлением, что распространилась повсеместно от современных мегаполисов до небольших населенных пунктов. Все эти явления в обществе явно указывают на то, что нужно с раннего детства воспитывать в человеке культуру толерантности, потому что всем в той или иной мере рано или поздно придется взаимодействовать с представителями других наций, культур и вероисповеданий. И здесь весомую роль в формировании толерантности как социально – значимой ценности исполняет школа, как важнейший институт социализации личности. Эта проблема российской педагогики освещается и в Концепции духовно-нравственного развития и

воспитания личности гражданина России: «...Межэтнический мир включает политику толерантности, т. е. признания и уважения культурных и других различий среди граждан страны и проживающих в ней граждан других стран. ...» [1, с. 10].

В современной отечественной педагогической науке изучению проблем формирования толерантности посвящено множество научных исследований. Например, А. А. Погодина считает, что «...Толерантность в современных условиях становится, с одной стороны, основой образования, которое транслирует нормы человеческих отношений и гуманизирует знания в области культурного диалога, с другой, инструментальной ценностью личности, обуславливающей отношение человека к миру и его поведение во взаимодействии с другими...» [2, с. 4–7]. Л. В. Байбородова высказывает мнение, что «...межнациональная толерантность – это свойство личности, которое проявляется в терпимости к представителям другой национальности (этнической группы) с учетом ее менталитета, культуры, своеобразия самовыражения» [3, с. 33–43]. Российский этнолог В. А. Тишков считает, что: «Толерантность – не есть панацея от всех человеческих пороков и социальных болезней, ибо ей постоянно противостоит нетерпимость к инаковости, в том числе в ее агрессивных формах» [4].

Я понимаю толерантность – как ценностное качество личности, прививаемое ей с рождения семьей и обществом, заключающееся в человеческой терпимости, уважении и принятии взглядов и свободы другого человека.

Проблемы формирования культуры толерантности в школе должны осуществляться с учетом современных процессов глобализации. Это необходимо потому что дети с момента обучения в школе должны воспринимать толерантность как ценность. Человек толерантным не рождается, это нужно воспитывать в нем. У школы есть все ресурсы для того чтобы сформировать у учащихся культуру толерантности как общественно-значимой ценности. Так как в образовательном учреждении заложена системность, и это дает возможность планомерно решать проблему с учетом возрастных психофизиологических особенностей детей. Анализ формирования толерантности у учащихся в общеобразовательной школе позволяет признать, что школа всецело не реализует весь свой потенциал по этой проблеме.

Вопрос толерантности в начальной школе, где ребенку приходится взаимодействовать и приспосабливаться к другим детям, пришедшим из разных микросоциумов актуален сам собой. Далее в подростковом возрасте формируется чувство культурной идентичности человека, поведение, позитивное или негативное отношение к окружающим. Подростковый возраст, как известно, всегда – возраст трудный. В итоге в старшекласниках необходимо воспитать осознанное участие в

политической жизни общества, умение грамотно разрешать споры и конфликты.

Для того, чтобы научить школьников уважать и ценить культуру разных народов необходимо знакомить их с историей развития математики, физики, информатики и других предметов. Нужно приводить примеры огромного вклада в науку ученых с разным цветом кожи, разных вероисповеданий. Персонификация науки – важный элемент поликультурного образования в российской школе. На уроках и во внеурочной деятельности нужно вести беседы об ученых иностранцах, живших и живущих в России и приносящих пользу человечеству. Использовать межпредметные связи, примером, может быть интегрированный урок «Математика в личностях» по математике и географии о таких ученых как Хорезми, Гиясэддин Каши, Фараби, Ананий Ширакации, Леонарде Эйлеру и многих других.

Библиографический список

1. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М. : Издательство «Просвещение», 2009.
2. Погодина А. А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. // Первое сентября. – 2002. – № 11.
3. Байборонова Л. В. Воспитание толерантности у школьников как функция деятельности классного руководителя // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 4.
4. Тишков В. А. О природе толерантности и нетерпимости // URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3> (дата обращения: 12.09.2015).

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDESKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
10–11 ноября 2015 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему
1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)
Импакт-фактор	• (Global Impact Factor) за 2014 г. – 0,784. • (РИНЦ) за 2013 г. – 0,194.	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered)

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered)

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Materials of the III international scientific conference
on September 28–29, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 02.10.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 6,3.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz